

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

СУВОРОВЕЦ

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

Андрей Анатольевич Посняков

Суворовец

Серия «Военная боевая фантастика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67295058

Суворовец: АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-147483-6

Аннотация

1773 год, русско-турецкая война. Гремят орудия, бьют барабаны! Солдаты, суворовские чудо-богатыри, идут в штыковую атаку. Вот и пала турецкая крепость, над бастионами развевается российское победное знамя...

Однако враг все еще силен, хитер и опасен, турецкие шпионы – везде. Их нужно найти и обезвредить, нужно – еще вчера. Командующий, генерал-майор Александр Васильевич Суворов, поручает это непростое задание капралу (а затем уже и поручику) Алексею Ляшину, уже зарекомендовавшему себя в подобных делах.

И никто, ни одна живая душа, не знает, что Алексей – наш современник, угодивший в прошлое не по своей воле, а... Вот этот вопрос ему тоже нужно прояснить! Чтобы когда-нибудь попытаться вернуться.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	60
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Андрей Посняков

Суворовец

© Андрей Посняков, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Май 1773 г. Нижнее течение Дуная

Медная луна, повисшая в черном небе, заливала призрачным светом степь и покрытые колючими зарослями кручи, серебрилась в реке смутной дрожащей дорожкой, играла в волнах на плесе. Пахло горькой полынью, перебивавшей запахи всех прочих трав и сладкий аромат цветущих яблонь. Тихо было кругом, однако же тишина вовсе не казалась мертвой. Щебетали в кустах мелкие пичуги, невдалеке, на плесе, всплеснула крупная рыба, а вот забила крылами какая-то ночная птица. Где-то запели цикады, хотя еще был не сезон – всего-то начало мая – и тем не менее вот...

– Ишь, как выводят-то! – любовно погладив засунутый за ремень трофейный турецкий ятаган, восхищенно промолвил Прохор. Ятаган этот Прохор добыл совсем недавно, во время лихой стычки с отрядом сипахов. Сипахи, конечно, не янычары, но тоже – вояки лихие, не то что всякий там местный нанятый сброд – левенды.

– Чи-ки-чи, чи-ки-чи... – сложив губы в трубочку, парень попытался изобразить цикад... Получилось не очень удачно, да еще и старый солдат Никодим Иваныч ткнул Прохора в бок. Не сильно, но весьма чувствительно, да шепнул:

– Тихо ты, скаженный! Тсс...

Никодим Иваныч приложил палец к губам и неожиданно

хмыкнул:

– Все клинок свой таскаешь? От того турка, что на штык взял?

– От него-о, – шмыгнув носом, довольно кивнул молодой. – А что? Пущай не по уставу – так ведь хороша саблюка, острая, как бритва.

– Не саблюка это, а нож-переросток, – неожиданно прозвучал позади чей-то голос. Молодой, уверенный в себе и слегка такой... командирский...

– Господин капрал!

Резко обернувшись, Прохор вытянулся и выпятил грудь, увидев свое непосредственное начальство, как здесь, в карауле, так и по службе вообще.

Никодим Иваныч грудь не выпятил – ветеранам эдак-то «гнуться» не положено – однако улыбнулся: капрала в карауле уважали.

Еще бы не уважать, парень-то из своих, из служивых, и в унтер-офицеры выбился совсем недавно, и не по подхалимству угодническому, а по отваге своей и уму. Выбился... Только не всем это нравилось, были завистники, были...

– Здоров будь, Алексей Василич, – протянув руку, уважительно приветствовал командира старый солдат. – Почитай, с вечера с тобой не виделись... а скоро и утро уже.

– Скоро... Как тут у вас, Никодим Иванович? Спокойно все? – капрал – высокий статный молодец с серо-стальным взглядом, поздоровался, поименовав Никодима по отчеству,

с «вичем», что нижним чинам уж никак не полагалось.

— Да здесь-то спокойно, — старый служака довольно подкрутил усы. — А к реке мы и не спускались. Ты же сказал — тебя дожидаться.

— Вот, дождались, — улыбнулся Алексей Васильевич, Алексей Васильевич Ляшин, или просто — Алексей, как его все и звали. — Ну, идемте теперь, глянем — что тут да как...

* * *

В карауле капрал не употреблял уставных фраз, говорил по-простому. Да и вообще, на войне много делалось не по уставу. Вот и вчерашним вечером Алексей не заставлял своих пудрить букли да заплетать косы, как по уставу, по форме положено. Ночной караул — не парад, не строевой смотр. Там другое нужно, не букли... Да и у самого-то капрала выбивалась из-под треуголки русая прядь — тоже не напудрился, мукой не обсыпал.

Пошли. Прямо через кусты — к речке, вернее сказать — к протоке. Тихо, ловко так — ни один сучок не хрустнул, ни одна веточка. Даже высокая, по колено, трава — и та, казалось, не шелохнулась. Что и говорить — опыт. Такой опыт, который обычно только с кровью приходит.

Спустившись почти к самой воде, караульные затаились в кустах, прислушались... Тихо...

Чу! Что-то прошуршало вдруг в камышах.

– Крыса водяная, – шепнул Никодим Иваныч. – Тут их страсть как много.

Минут пять все слушали ночь, сидели недвижно. Потом завозился Прохор, поправлял свой трофей...

– Смотри, осторожнее с ятаганом, – Алексей покачал головой. – Пальцы порежешь запросто. С ним и не все сипахи-то могут управиться, а уж легенды...

– Ни-чо, господин капрал. Управлюсь как-нибудь.

Близился рассвет. Поблекла, посмурнела луна, стали бледными звезды, а на востоке, за широкой лентой реки, потихоньку занималась заря.

– Может, и не придут турки-то, – тихо протянул молодой.

Никодим Иваныч усмехнулся в усы и сплюнул:

– Не-е, Проша, придут. А уж коли придут – так как раз сейчас. Самое время!

– Сон сейчас самый крепкий, – пояснил для молодого капрал. – Пока темно еще... Но и рассвет близок. А посветлу легче уйти.

Снова что-то шумнуло в камышах. Где-то совсем рядом дружно закрикали утки.

– Тсс!

Алексей напряженно прислушался. Покусал губу, обернулся к ветерану:

– Никодим Иваныч... слышал?

– Вроде как железяка звякнула.

– Да не! – жарко зашептал Прохор. – Рыба плеснула... так

было уже.

– Рыба... да не рыба... – старый солдат вытянул шею. – Слышите? Вот снова... Как будто ведром воду зачерпнули... или котелком.

Над рекой уже начинал клубиться туман, как бывает перед погожим днем – а дни нынче стояли жаркие. Непонятный звук доносился с той стороны протоки... кто там мог быть? Да и был ли? Вполне могло и показаться, да. Может, и вправду рыба.

Караульные затихли – по воде-то звуки разносятся далеко и быстро. Тем более ночью, да еще под утро. Слушали напряженно, Проша аж рот открыл от усердия.

Вот снова!

– Может, это водоносы – сакка?

– С чего бы им ночью-то?

– Весла это, робяты! – сплюнув, Никодим Иваныч пригладил усы. – Гребет кто-то!

– И гребет осторожно, – сиплым шепотом протянул капрал. – Чтоб никто не услышал... Ну что, парни? Дождались!

Азартно потеряв руки, Алексей хлопнул Прохора по плечу:

– Давай-ка живенько пробегись по всем нашим. Чтоб были готовы... Как договаривались, ага.

– С ружьями, господин капрал?

– С ружьями, ага! Сказал же – как договаривались. Помните – начинать по моему выстрелу.

Ловкая фигура молодого солдата тут же скрылась во тьме – только фалды кафтана мелькнули. Хмыкнув, Алексей вытащил из-за пояса пистолет. Трофейный, турецкий, изукрашенный серебряной арабской вязью. Пистолетами в те времена пользовались многие – особенно в коннице. Куда уж удобнее, чем даже укороченное ружье – карабин. Однако, как и ружье, перезаряжать все же долго – потому и использовались пистолеты обычно парой, парой и покупались, и очень даже прилично стоили. Капралу пистоль достался в бою – один, без пары. Уж как вышло.

– Ага-а! Вот они, субчики!

В дрожащем свете луны вдруг поднялись от реки такие же призрачные неслышные тени. В тюрбанах, в широких коротких штанах, в удобных для боя камзолах-субунах. Турки! Дюжины две. С саблями наголо! У многих – пистолеты и короткие ружья.

– Явились, субчики! Явились... – взводя курок, негромко промолвил капрал.

* * *

Светало. На небольшой полянке рядом с протокою – всего ничего идти – мирно махали хвостами стреноженные кони. Здесь же стояли походные армейские палатки – три штуки – и один небольшой шатер с узорчатым пологом. Сразу за палатками виднелось с десяток телег и две арбы на больших

тонких колесах. И телеги, и арбы были заботливо укрыты рогожками – видать, ценный груз. Обоз! Что там? Провиант? Боеприпасы? Оружие? Да, именно так. Может даже всего понемногу. Такой – пусть даже и небольшой – обоз и охранялся солидно: пятеро часовых на ночь выставлено. Двое сейчас грелись у небольшого костерка, трое маячили за телегами. Хорошо так все, благодно. Светлеет на востоке небо. Хмурится, бледнеет луна. И тихо кругом – лишь пичуги в кустах, да потрескивает в костре хворост.

Тишину турки не нарушали. Лишь так, чуть-чуть. Только вдруг – почти разом – просвистели в воздухе стрелы. Впились в часовых – тоже почти что разом, и не одна – а сразу несколько.

И тотчас же прозвучал гортанный крик турецкого командира – эфенди. Нападавшие разом бросились к палаткам, к шатру – грянули выстрелы, взрезали ткань шатра острые турецкие сабли...

– Алла и-иль Алла-а-а!

Жарко засвистели пули. И стрелы... И нож кто-то из нападавших метнул...

Только вот...

Часовые-то что-то не падали!

Как сидели у костра, так и сидели – со впившимися стрелами. Да и те, что за телегами...

Ва, Аллах! Что же это такое-то? Это не люди, что ли? Их убили, а они... Кто это – это живые покойники, пьющие

кровь мертвецы?

Да нет, не мертвецы – чучела!

Чучела, набитые сеном. Таких обычно ставят на полях – отпугивать птиц. Да и палатки и шатер – пусты!

Засада! Вай, шайтан... Засада, ага!

Турки поняли это слишком поздно...

Грянул пистолетный выстрел...

И тут же – ружейный залп!

Встали, всколыхнулись над густой травой черные солдатские треуголки. Грозно блеснули штыки... Разорвали округу выстрелы – вырвалось из ружей грозное пламя, и кислый пороховой дым вмиг окутал поляну.

Пятнадцать ружей – залпом. Почти в упор, разом...

В десятке обычно случается больше десяти солдат. Капрал еще. Еще вот мальчишки – барабанщики да кантонист – попросились. Тоже с фузеями-ружьями. Барабанщики – с трофейными, тяжеленными, старой французской системы. С таким ружьем не просто управиться. Но старались ребята. Да и расстояние-то – тьфу!

Наверное, турки все же были наемниками – левендами, но хорошо обученными, умелыми. Иных в этот рейд и не взяли бы. Всего около двух десятков, да...

Большую часть сразил первый же залп. Кто-то упал убитым, кого-то ранили...

Перезаряжать ружья уже было некогда. Да и дым...

– А ну, братушки! – возникший из порохового дыма ка-

прал, бросив разряженный пистолет, выхватил из ножен трофейную турецкую саблю. В рукопашном бою уж куда лучше, чем хиленькая офицерская шпага.

– Пуля – дура, штык – молодец! В атаку, братцы!

Вырвалось из глоток неистовое «ура», пусть не такое уж и громовое, но это уже было не важно. Пуля – дура, штык – молодец... Молодцы в зеленых мундирах бросились в штыковую...

– А ну – коли! Раз-два...

– Р-раз!

– Алла-и-и-и!

Турки бились отчаянно, словно голодные тигры. Однако нынче не им сопутствовала удача, и удача – тщательно подготовленная.

– Ур-а-а-а-а!!!

Штык врагу в брюхо! Получа-а-ай! Увернулся? Саблей отбил? А вот попробуй-ка приклада! Н-на!

* * *

После такой атаки обычно наемники бежали или сдавались в плен. Тем более провинциальные капылы. Разбежались и эти. Кто смог, кому повезло. Кому повезло не очень – сдавались в плен. Все, кроме одного – молодого усача-командира – эфенди. О, этот горячий парень вовсе не собирался сдаваться, нет! Ухмылялся, гордо сверкая очами – синими,

как весеннее небо. Крепкие башмаки с модными французскими пряжками, синие чулки, короткие широкие штаны, как у янычар. Темно-красный, шитый золоченой нитью камзол, черный кожаный пояс с бляхами. Тюрбан, видно, сбило пулей – рассыпались по плечам черные кудри. Этаким турецкий д'Артаньян! Щеголь, привыкший убивать.

Тяжелый, жаждущий крови клинок покачивался в руках, словно готовая к броску кобра.

– Эй, эфенди! Сдавайся! – крикнул Никодим Иваныч.

О, не на того напал! Скосив глаза, турок лишь презрительно скривился – вот еще, разговаривать с нижним чином.

Плюнул, выругался по-своему, по-турецки, и по-русски спросил:

– Где ваш командир? Если не трус... Давай!

Выкрикнул и махнул саблей. Уже почти совсем рассвело, над протокою и дальше, над Дунаем-рекой, клубились тающие клочья тумана.

Что ж... раз уж требует командира... Негоже праздновать труса, негоже!

– Ну, я командир, – сбросив кафтан, Алексей поудобней перехватил саблю.

Турок церемонно поклонился:

– Я – Мустафа Эльчин-эфенди, левенды лейтенант. А вы кто?

– Капрал Ляшин, унтер-офицер...

– Всего лишь унтер? – скривился «д'Артаньян». – Ну что

ж... Это вы задумали засаду?

– Да.

– Весьма неплохо. Что ж... Приступим... Апп!

Со звоном скрестились клинки... Заскрежетали... Турок ухмыльнулся – он явно был хорошим бойцом, «опытным бретером», как сказали бы в дворянских кругах. И этот «опытный бретер» почуял добычу! Соперник вдруг показался ему слабым. Да не показался – так оно и было. Не так уж и виртуозно Алексей Васильевич Ляшин владел клинком. Нет, для боя хватало... но для такой вот дуэли с разными изящными выпадами... хотя сабля – оружие не изящное, но все-таки...

Турок вновь произвел выпад, разрезав сопернику правый рукав... Потом – тут же – левый... Играл, словно кошка с мышью!

Выпад... Отбивка... Рубящий модный удар!

Отбив! Контратака...

Надо было срочно что-то придумать...

Алексей придумал...

Улучив момент, просто упал. Упал в смятую траву, раскинув руки и выпустив саблю... Турок тут же подскочил, замахнулся...

Однако Ляшин ведь не зря падал...

Ловкая подсечка!

И вот уже соперник – в траве!

Вскочить – и кулаком ему в челюсть – оп! И еще раз»! И

еще... еще... еще...

– Ну, ну, Лексей Василич, уймись! И так басурмана изгва-
здал в кровь...

– А...

Отмахнувшись, капрал поднялся на ноги. Кто-то заботли-
во накинул ему на плечи кафтан, темно-зеленый, с красными
фалдами и витым шнуром Астраханского полка на погоне.

– Этого – к остальным пленным, – взглянув на повержен-
ного «д'Артаньяна», распорядился Ляшин.

Никодим Иваныч довольно кивнул:

– Сделаем! Эй, Прошка... Пойдем-ка, Алексей Василич,
к костерку... О-от... попей вот чайку, да... А мы тут пока
осмотримся, сладим...

– Там же лодки!

– Да побросали их басурмане – трофей. Ты пей, пей, Ва-
силич... О-от... – Никодим Иваныч уселся рядом и раску-
рил трубку. – Ты вот что... Другой раз с чертями этими ру-
биться не лезь. Просто возьми, да пристрели черта. Ну, сам
не хочешь – мне мигни. Мы-то из крепостных, из крестьян,
всякому политесу не обучены. Оп – и разом.

– Мигну, Иваныч! В следующий раз обязательно мигну.

– От и ладненько. А в морду ты басурману славно прило-
жил, одобряю!

– А ну, давай, давай, Леша, рассказывай! Да не журишь – победителей не судят, а мертвые сраму не имут!

Новый командир Астраханского полка, недавно прибывший генерал-майор от инфатерии Александр Васильевич Суворов, выйдя из походного шатра, похлопал дожидавшегося капрала по плечу. Ухмыльнувшись, уселся на вынесенное суровым денщиком креслице, вытянул ноги к костру. Невысокого роста, узкоплечий, всегда улыбчивый и веселый, новый командир солдатам и офицерам нравился. Генерал-майор любил шутку, не брезговал простой солдатскою кашей, а пуще того – все делал для того, чтобы солдаты знали, как действовать в бою. Лично учил, рассказывал, а то и показать мог. Ну, конечно, любил почудить, не без этого – то поутру поет петухом, кукарекает, то прямо ночью сиганет в речку – купаться, а то переоденется в солдатский мундир да прикинется рядовым служакою, особенно когда кто-то его ищет по какому-нибудь начальственно-важному делу. Совсем вот недавно так попался один вестовой, посланец самого главнокомандующего, фельдмаршала Петра Румянцева. Суворов как раз прикинулся простым солдатиком, переоделся, а тут и вестовой! Где, говорит, господин генерал-майор? А генерал-майор ему: «А пес его знает! Может, валяется где-то пьяный, а может, кукарекает петухом, бог

весть!» Осерчал вестовой – ты как, мол, посмел, сучий потрох, так вот о командире своем отзываться? Вот ужю посейчас палкой тебя попотчую, будешь вдругорядь знать!

И впрямь едва не попотчевал – насилу убежал Александр Васильевич. Переоделся, вестового принял – а тот его и узнал, сконфузился... Суворов же лишь посмеялся, да после всех дел велел налить вестовому чарку.

Все это вихрем пронеслось в голове капрала при виде появившегося отца-командира. Оно конечно, Александр Васильевич солдатушкам вместо отца родного... однако, а вдруг опять зачудит? Не так и давно Суворов полком Астраханским командует, но почудачить успел. Говорят, он и в Финляндии так же вот... Оттуда сюда, на войну, попросился – турок колошматить. Да уж, не генерал – орел! Хотя по виду – совсем замухрышка.

Александр Васильевич явился в уже потрепанный изрядными боями полк не один, а с подмогой – отрядом егерей да с казаками. Один из этих вот казаков – здоровенный рыжебородый мужичага в синих, с красными лампасами, шароварах, заправленных в короткие юфтевые сапоги, – как раз и маячил сейчас за спиной генерал-майора. Адъютант? Да нет, скорей – ординарец. Охранник, но не денщик. Денщика Ляшин уже знал, как и личного генеральского повара. Не всегда Суворов от солдатских костров кушал – желудок не позволял, Александр Васильевич им с самого детства маялся.

Глянул командир на капрала, да вдруг подмигнул, тем са-

мым и смутил парня окончательно.

– Ну что, герой? Говоришь, пуля – дура, штык – молодец? Ах, черт возьми, недурно сказано!

– Рад стараться, ваше превосходительство! – рывкнув, капрал вытянулся во фрунт, как и предписывал армейский устав, беззастенчиво содранный российскими воинскими деятелями с устава прусского короля Фридриха. Ну а что? Прусская армия по тому времени лучшей в мире считалась!

– Ну, ты это... не тянись! – махнув рукой, рассмеялся Суворов. – Один черт – одет не по форме. Ни буклей, ни пудры!

– Виноват, господин генерал-майор. Не успел! – Ляшин гаркнул еще громче прежнего. А пусть начальство видит – вид у него лихой и придурковатый, какой со времен царя Петра Алексеевича востребован.

– Ну, не успел так не успел... Ты вот что – сопроводи-ка меня до оmutка. Там и поговорим.

Генерал-майор обернулся на казачину:

– Епифан, полотенце да халат мой захватишь... Ну и там, закусить-выпить.

Так и пошли, можно сказать – налегке. Впереди – сам Суворов в сопровождении почтительно внемлющего капрала, а уж за ними – Епифан с халатом и большой плетеной корзиной. Не простой казак Епифан – хорунжий. Так и Александр Васильевич Суворов, чай, не крестьянский сын.

– Не люблю я, Леша, всякой там свиты, – на ходу признался генерал-майор. – Вот взяли бы сейчас денщика, повара

с ординарцем да прочих... Растянулись бы до самой реки с такими-то поползнями. А нам с тобой, Леша, без лишних ушей поговорить нужно. О сегодняшней схватке ночной. Вот все обстоятельно мне и доложишь.

– Слушаюсь, ваш-превос-во!

– Да не тянись ты! Сказал ведь уже.

* * *

Солнышко давно уже вышло, сверкало в ярком голубом небе, припекало совсем по-летнему. Начало мая – а дни-то стояли жаркие. Что поделаешь – юг. Ночью еще как-то прохладно, а уж днем...

– Вот в Финляндии хорошо, – глянув на солнце, прищурился Суворов. – Почти все время – дождь да сырость одна. Как, прости, Господи, в Петербурге!

– Не любите Петербург, ваш-высокпре-во?

– Твое какое дело?

– Виноват!

– Ла-адно, расслабься.

Ранняя для матушки России весна здесь, на юге, казалась вовсе не ранней. Скорее настоящее лето со знойным солнцем, выгоревшей травой и выцветшим от пыльного жара небом. Но пока еще самый зной был впереди, природа расцветала: кругом пели жаворонки и еще какие-то птицы, тянулись в небеса пышные венчики иван-чая, всюду цвела си-

рень. От одуряющего запаха южной весны можно было сойти с ума... если бы не война, если бы не турки.

Окоротить! Дать от ворот поворот. Забрать Крым, покончить с крымским ханом и его поганым работорговым ханством! Ведь и впрямь – сколько можно-то? Терпеть все эти набег, унижения, караваны невольников. Если бы не набег – благодатный ведь край!

– Ничего, Алексей, скоро разобьем турок! – Суворов словно бы подслушал мысли капрала. – Разобьем, городов настроим, будем хозяйство вести... Называется – экономика! Слово для тебя, конечно, незнакомое, но хорошее. Если хозяйствовать правильно. Вот у меня, к примеру, в имении... А!

Генерал-майор вдруг махнул рукой и грустно улыбнулся:

– А черт его знает, что там у меня в имении? Я то в Польше, то в Финляндии, то вот – здесь. То поляки, то шведы, то турки. Об имении и думать некогда. Да и пес-то с ним, с имением. На то управляющий есть. Нынче о России-матушке думать надо! Окром нас, служивых, кто ее, родимую, оборонит-защитит?

– Кроме нас – некому, ваше превосходительство! – убежденно поддакнул Ляшин.

– Вот и я говорю – некому.

Купались все втроем. Генерал-майор, капрал и хорунжий. Правда, недолго – просто ухнули в омут да тут же и вылезли. Пот смыли – и ладно. Высохли быстро на солнышке, оделись, уселись на бережку. Епифан раскинул на траве скатерть, распотрошил корзину – так сказать, поляну накрыл.

– Ну, давай, Леша, по маленькой... Я-то одну чарку прииму, а вам с Епифаном нынче не возбраняется. Одначе не увлекайтесь!

– Как можно, господин генерал-майор?

Выпили по чарке. Закусили салом да хлебушком – красота! Что еще надо-то? Всякие овощи да фрукты еще даже и здесь, на туретчине, не поспели. Впрочем, такая уж ли это туретчина? Болгарская ведь земля, а чуть дальше, за Дунаем-рекой – валашская. Что болгары, что валахи – братушки православные, турками заповоленные. Эх, вот их поднять бы!

Не сказать, чтоб генеральская закуска отличалась особой изысканностью или каким-то там шиком, но все основное имелось. Водка само собою – лафитничек, никакая не четверть, четверть-то уж на троих многовато, тем более Александр Васильевич много не пил, о том уже все знали. Сам не пил, но другим не мешал, подливал даже, потчевал.

Хлеб, сало, сыр с холодным отварным мясом, еще ка-

кой-то мелкий зеленый лук – уже тут выросший – да рыбка, вот и все, пожалуй. Господин генерал-майор очень даже жаловал простую пищу, чего уж там.

– Ну, давай, давай, рассказывай, – выпив, поторопил Суворов. – Значит, устроил засаду, согласно приказу. Что-нибудь еще добавил? Чего в приказе не было?

– Да все, как вы и указали, господин генерал-майор, – капрал повел плечом. – Расставил солдат в караулы, приготовил стрелков... Все, как у вас в приказе. Разве что чучел еще выставил...

Собеседник тут же заинтересовался, живенько этак переспросил:

– Ну-ка, ну-ка! Что еще за чучела?

– Ну, эти, ваш-во... Которые на полях-огородах. От птиц. А они у меня – часовых вместо.

– Типа – ротозеи, значит, – Суворов громко хохотнул и сделал знак Епифану, чтоб налил еще. – И что? Попались на это турки?

– Попались, ваше...

– Да знаю, знаю, что попались. Молодец, Алексей! Славная придумка. Знаешь, а не хватит ли тебе в капралах ходить? Пора, пора уже и расти! За один этот бой... ну, еще за один – себя проявишь – и в подпрапорщики!

– В подпрапорщики?!

– А то и сразу в сержанты! Чего уж. Так, говоришь, чучела? Ай, вот поистине славно придумано, славно... Ну, как

тебе турки?

Этот вопрос Суворов задал серьезно, без всяких ухмылок-смешков. Ляшин так же серьезно и отвечал:

– Первым залпом многих поубивало. Остальные бились достойно.

– Янычары, сипахи? – уточнил командир полка.

Капрал едва сдержал презрительную улыбку:

– Наемники, ваш-бродь. Как турки говорят – левенда.

– Левенда, брат, тоже разная бывает, – взяв хлеб, Александр Васильевич аккуратно положил на него тонко нарезанный кусочек сала и, прижав сверху луком, продолжил: – Есть байраки, белюки – пешие и конные, есть драгуны-секбаны, да много кто есть. Встречаются вояки опытные, с гонором.

– Вот уж точно, ваш-высокордь! – заговорившись, Ляшин в одиночку намахнул стопку... впрочем, его тут же поддержал Епифан.

– Вот уж точно – с гонором! И вояки умелые.

– Правильно, Алексей! Умелые. Врага недооценивать нельзя. Ты, я гляжу, разведчик хоть куда – не ввали. Что про артиллерию турецкую скажешь?

Хороший пошел разговор, деловой, по всему чувствовалось – Суворов спрашивал не из пустого любопытства.

– Про артиллерию ничего доброго не скажу, – потянулся к закуске капрал. – Хоть я в полку и недавно, однако с турками бился да кое-что приметить успел.

Турецкие артиллеристы звались на их манер – топчу.

Большинство орудий были железными и крупных калибров.

– Такие, ваше превосходительство, попробуй-ка потаскай! Да и заряжать намаешься.

– То есть артиллерия турецкая в бою малоподвижна и скорострельностью тоже не отличается? – вполголоса уточнил командир.

Капрал улыбнулся:

– Так и есть, ваш-пр-во! Громоздки пушки у турок! Коли конную тягу взять, так передков у них вообще нет, а вся упряжь – веревочная. Вот так встанут пушки у лагеря, и больше уже черт-те с два куда их сдвинешь. Да и канониры, прости господи... Пушки-то в бою большей частью все по одному месту стреляют, наступающим особого вреда не делая.

Как человек опытный и даже уже можно сказать – бывалый, Ляшин прекрасно осознавал, что беседу эту Суворов затеял не зря. Что-то задумал отец-командир – не иначе. Со всем недавно явившись из Финляндии, Александр Васильевич получил от главнокомандующего генерала Петра Румянцева под начало двухтысячный отряд. Семьсот шестьдесят солдат Астраханского полка и еще донские казаки. Теперь нужно было действовать, о чем сейчас командир и высказался, вроде бы благодушно, с улыбкой – но взгляд был серьезен, очень серьезен.

– Главная задача наша – провести разведку боем! Этаким лихой рейд на Туртукай! Смекаешь?

Алексей молча кивнул. Еще бы не понять! Турецкий городок-крепость Туртукай с гарнизоном в четыре тысячи человек контролировал ближайшую переправу через Дунай. От Суворова и его войска требовалось лишь отвлечь внимание турок от действий главных сил.

– Человек, брат, а особенно – солдат, обладает свойствами, из которых одни для войны весьма пригодны, – опрокинув стопочку, продолжал генерал-майор. – Качества сии – решительность, храбрость, презрение к опасности. А еще – находчивость, сила воли, бодрость духа, умение подчиняться и повелевать. Вот чем русский солдат и ценен!

Наставительно подняв вверх указательный палец, Александр Васильевич передал стопку Епифану:

– Все ж, окромя того, есть еще и свойства, для воинских целей непригодные. Вялость, трусость, нерешительность! Стало быть, надобно что? Верно! Развивать качества первые и заглушать вторые.

Первейшее условие военного успеха – смелость и решительность во всяком случае. Но чтобы быть смелым и решительным, надобно не бояться опасности, а самый верный и прямой путь для этого – не выжидать ее, а идти ей навстречу.

Вообще-то, Суворов именно этого и держался, именно так и действовал, именно так воспитывал своих солдат. Отсюда и его приметы наступления – не только с точки зрения наиболее выгоднейшего образа действий, но и с точки зрения воспитания.

Между тем Александр Васильевич все не унимался, оседлав своего любимого конька. Значит, правду про него говорили – любит старик повитийствовать. Хотя какой старик? Лет сорок – сорок пять... Не молодой, да, но ведь и не старый еще! А уж бодрости – и тела, и духа – всем бы молодым так!

– Чтобы наступление было решительным, а только такое, Алексей, и приводит к положительным результатам, необходимо многое! Чтобы войска ничто не могло озадачить. Ничего! Чтобы они были уверены в своей силе... и мысли бы не допускали, что могут быть побиты! Чтобы наступление заканчивалось бы непременно ударом. Вот как наш поиск на Туртукай, я думаю, сложится! Сложится, а?

– Всепременно, ваше превосходительство господин генерал-майор! – вытянулся Ляшин.

Капрал уж теперь окончательно понял, зачем его позвал командир. Не просто лясы поточить, отнюдь, а дать совершенно ясные указания к ближайшему боевому действию – рейду (или как в те времена говорили – «поиску») на Туртукай. Что ж... Не так далеко крепостица сия располагалась – верст десять, если напрямки.

* * *

Лагерь Астраханского полка – а с недавних пор и казаков – располагался неподалеку от православного монастыря Негоешти. Вполне добротной казалась обитель: кирпичные

стены, ворота с башенкой, а во дворе – просторный храм, местные крестьяне именовали его иностранным словом «базилика».

Рядом с монастырскими стенами располагались бревенчатые хозяйственные постройки и совсем неподалеку деревня с одноименным названием, где встали постоем некоторые офицеры. Большинство же русских воинов в деревеньку не поместились – как и сам командир! Ну, на то его воля.

Жили в походных шатрах да палатках, варили на кострах нехитрую солдатскую пищу – кашу да щи, иногда разбавляемые раками да рыбой. Вот сейчас потянуло дымком...

– О! – улыбнулся Суворов. – Гречневую кашу варят. А пойди-ка потом, откусать.

– Откусайте, Александр Васильевич! Хоть и к нашему костерку...

– Да хоть и к вашему... Ну, ты ступай, Алексей, ступай. И наготове будьте!

Посмеявшись, генерал-майор шутливо погрозил Ляшину пальцем и, понизив голос, на полном серьезе добавил:

– Может, уже завтра в поиск и пойдем. Или – сегодняшней ночью уже. Чем неожиданней для врага удар – тем лучше. Как ты сказал-то? Пуля – дура, штык – молодец? Вот уж верно.

Обоих – и отца-командира, и капрала – ничуть не смущало, что в Туртукае – четыре тысячи человек плюс крепостная артиллерия, а у них-то – от силы – две! И что с того?

Бьют-то врага не числом, а уменьем. Тем более – в крепости не регулярная армия, а наемники-левенды. Главное – решительность! Быстрота, натиск, удар. Удача, она смелых любит. Особенно на войне.

* * *

После беседы с отцом-командиром настроение у капрала поднялось, можно сказать – прямо до небес взлетело. Как все удачно нынче складывается – и ночная засада, и этот вот обнадеживающий разговор! Теперь еще бы в рейде-поиске не оплошать. Эх, тогда бы...

Что «тогда», молодой человек представлял себе весьма определенно: проявит себя, получит унтер-офицерский чин, а там и до офицера недалеко, тем более Алексей не из крепостных, не из приписных даже. Помор со свободного Севера, где отродясь никаких бояр-дворян-захребетников не было.

Так что на будущее перспективы имелись, и весьма неплохие. Что же касается сегодняшнего момента – прямо вот сейчас, то Ляшин получил от Александра Васильевича благословение устроить по случаю удачной засады небольшую пирушку. Тем более что и казачки-донцы что-то подобное соблажались уже с утра: варили ушицу из местной белорыбицы, жарили на костре ягненка и даже смотались в Негоешти за водкой и брагой. Конечно, они не засаду отмечать собира-

лись, а свое – и господина генерал-майора – на театр военных действий прибытие. О начальстве своем казачины отзывались весьма одобрительно – «лихой и нашего брата солдата жалует». К тому времени Суворов успел уже повоевать и в Польше, и в Финляндии – со шведами, приобретя репутацию командира решительного и даже в чем-то склонного к авантюрам. Таким же вот «немного авантюристом» был и главнокомандующий граф Петр Румянцев – достаточно вспомнить его рейды под Кольбергом во время войны с Пруссией. Однако сейчас Румянцев то ли постарел, то ли привык к осторожности и объявившегося словно снег на голову Суворова, как говорят, не жаловал.

Так оно было или не так – бог весть, это сейчас Алексея не шибко-то занимало. Гораздо больше интересовало другое – где бы раздобыть водки? Как успел доложить верный Прошка, донцы уже прошвырнулись по всем окрестностям, скупая вообще все, что можно было употребить в целях приятно-пьяного веселья. Если была водка – брали водку, не было – и брагой не брезговали и даже забродившим квасом. В монастырь заглянуть тоже не постеснялись – за кагором. И это при всем при том, что водка-то у них еще имелась и своя, казенная, в обозе.

– Ну, вот я и говорю! – Прохор возмущенно всплеснул руками. – Казенка есть, а они... Нам-то что теперь делать, коли волчины эти еще с утра рыскали? Теперь уж... шаром покати... Теперь уж... Эх!

– Экий ты питух, Проша, – пошевелив подоброщенный в костер хворост, укорил парня Никодим Иваныч. Невысокого роста, с виду не очень сильный, но жилистый, в ловко пригнанном мундире с до блеска начищенными пуговицами, старый солдат производил впечатление человека бывалого, каким, собственно, и являлся. Прохора он опекал, учил ум-разуму.

– Донцы-то, оно понятно, прокатились... – пошевелив хворост, ветеран заглянул в котелок. – И тут уж мы до самого Букурешта ничего не сыщем. Ты воды-то принеси, Проша!

– До самого Букурешта! – округлив глаза, молодой потянулся за котелком. – Воды-то принесу, Никодим Иваныч. Вода, чай, не водка, искать не надобно.

– От и принеси, от и славно...

Проводив парня взглядом, старый солдат покачал головой и хитро прищурился:

– Ну, а ты, господин капрал, что скажешь?

Честно сказать, насчет водки Алексей пока ничего такого не придумал, а только еще начал подумывать. Впрочем, думать надобно было как можно быстрее – скоро и вечер уже. Эх, пирушка сейчас – самое дело! А что? Не так уж и часты на войне праздники.

Хмыкнув, молодой человек присел к костру, на расстеленный кусок обозной парусины, используемый когда как – и от дождя, и от солнца палящего – в качестве тента, и вот так – посидеть-поваляться. Сегодня вот день выдался облачный,

нежаркий – вот и лежала себе парусина прямо в притоптанной траве, меж деревьями не натягивали. Да и не деревья тут росли, а какие-то кусты-переростки типа орешника да чернотала.

Кстати, парусину эту для тента именно Ляшин и приспособил, а глядя на него – и другие тоже.

– У казаков-то и казенная водка есть, – покусав губы, Алексей задумчиво посмотрел вдаль, на дымчато-голубую ленту Дуная, на расстилавшуюся за ней бескрайнюю степь, изредка перемежающуюся чахлыми зарослями. Турецкий берег. Где-то там – крепость Силистрия, где-то там – Туртукай. Отсюда не видать, но совсем рядом.

– Думаю, скоро на Туртукай выступим, – перехватив взгляд капрала, молвил старый солдат. – Не взаправду, а так. Турка напугать, отвлечь от переправы.

Ну да, примерно так главнокомандующий, граф Петр Румянцев, и хотел-рассчитывал. И Суворову то наказал. Громыхнуть, отвлечь, да и свалить обратно... Только так, да. А вот Александр Васильевич, похоже, несколько иное замыслил.

– Ты откуда, Никодим Иваныч, про Туртукай знаешь?

– Я не знаю – я рассуждаю, – опустившись на корточки, ветеран взял хворостину и прочертил на выжженной костреищем землеице линию. – Это вот Дунай-река. Здесь – переправа, Силистрия. А тут вот – Туртукай. Четыре тысячи человек – тоже немало. Ежели их отвлечь – нашим-то сподруч-

нее будет. Тут ничего и знать не надобно, и так все видать. Турок, к слову сказать – тоже с глазами. Тоже рассуждать умеет, хоть и нехристь, да.

Капрал покачал головой.

– Ну, это тебе сразу все понятно. Иным же... Вот, скажем – Прохору... да и мне! А про турок ты прав, прав, дружище. Ох, как прав. С другой стороны... – Молодой человек вдруг задумался, улыбнулся. – Коли турки так же считают, коль рассчитывают, что пошумим да уйдем, тогда... Ай, молодец Александр Василич! Ай, молодец.

– Тут вон Валахия, Добруджа, – ветеран все продолжал водить хворостиной. – А тут... – он неожиданно привстал и указал на синие далекие горы, не такие уж и высокие, к слову. – Там, за горушкой – Болгария. Румелия, по-турецки ежали.

– Ты это к чему, Никодим Иваныч? – насторожился Ляшин.

– К водке я все. К хмельному зелью...

– Да ну!

Алексей, конечно, рассчитывал, что старый солдат что-нибудь да придумает... Но не так, что вот уже сейчас, сразу. Хотя... А когда еще-то? Времени-то почитай что и не осталось!

– Казачины у валахов местных все хмельное скупили. Казенку нам вряд ли выдадут. А, Алексей?

– Вря-ад ли, – соглашаясь, капрал махнул рукой.

– Тогда остается кто? Болгары!

– Так там же турки! – ахнул молодой человек. – Да идти далеко... Горы вон... Сам знаешь, я верхом-то не очень. У нас, на Белом-то море – все на санях больше.

– Да знаю, – бросив хворостину в костер, Никодим Иванович пригладил усы. – К чему нам и лошади-то? Чай, мы с тобой не драгуны да не конные егеря. На лодочке сплавляем, по протоке. А там эвон – рядом совсем. Третьего дня к обозным старик болгарин заезжал – торговал чем-то. У них и спросим. Может, что и рассказывал. Обозники у нас дюже любопытные. Не может такого быть, чтоб у болгарина не расспросили про то, где живет, да как там под турком? Православный ведь. Наш.

– Думаю, не шибко-то весело православным под турком, – глянув на синюю дымку гор, горестно вздохнул Ляшин. – Опять же, сколько там турок? Даже вот в ближайшем селе?

– Мыслию, нет никого, – раскуривая трубку, ветеран неожиданно рассмеялся. – Что им в такой дыре делать? Староста есть и... Да и все левенды нынче где? Правильно – в Силистрии да в Туртукае!

Деревня называлась Тумраново. Не деревня даже, а так, хутор. Схоронившийся в предгорьях добротный двухэтажный дом – сверху деревянный, а снизу – каменный – хозяйской постройки, плетень, ограждавший стесненное горами подворье, у самых ворот – старый тенистый граб и смоковницы, а чуть дальше, в расщелине – небольшой виноградник, бесед-

ка, увитая деревянной лозой. Во дворе, у птичника – старая арба да груженная навозом телега...

– Здоров будь, парень!

Первым на пути попался мальчишка-пастушок, босоногий, в драной светлой рубаше и соломенной шляпе. К нему и обратился Алексей – без всяких там условностей, по-русски – языки-то похожи. Да и не таились особо – так, в зеленых мундирах, и шли.

– Нам бы Вязова, Денчо.

– Старика Денчо? – подросток ничуть не испугался, а если и удивился, то виду не подал. Правда – глаза выдали, блестя с явным любопытством. Еще бы! Уж тут сразу видно – русские.

– К старому Денчо – это вы правильно идете. Вот этот дом – его. И мельница на ручье – тоже его. И стадо.

Пастушок, естественно, говорил по-своему, по-болгарски – но все было понятно без перевода. Ну, или – почти все.

– И что вам от него надо?

– Врать не будем – водки купить.

– Что-что? – округлив глаза, мальчишка недоуменно потряс головой, но тут же понял. – А-а-а! Ра-кия! У него есть, да. Должна быть.

Говоря так, пастушок отрицательно покачал головой, по-болгарски это значило согласие. Да, мол, есть водка у старого Денчо Вязова, имеется.

– Вина прошлогоднего уже нет, – провожая гостей к дому,

на ходу пояснял парнишка. – Что скисло, а что – янычары выпили. Наезжали по зиме еще, да.

– Янычары? – удивился дотоле молчавший Прохор. – Им же Аллах вино-то не позволяет!

– А они сказали: на войне да в походе – можно! – мальчишка расхохотался. – Хорошие парни, веселые. Мне один нож подарил, вот!

Хвастаясь, пастушонок выхватил из-за пояса кривой кинжал. В лучах клонившегося к закату солнца хищно сверкнуло лезвие...

– Вот. Пришли. Сейчас я позову, сбегая... Э-эй! Дед Денчо! Эгей!

Мальчишка унесся в дом – только пятки на крыльце сверкнули. Гости же остались пока в ожидании – осматривались.

Всего же в путь пустились трое – все те же: капрал Алексей Ляшин, brave ветеран Никодим Иванович, да с ними – молодой солдат Прохор Анцыферов, куда же без него? Уж конечно, официально ни у кого не отпрашивались, так, ротному намекнули – мол, за водкой пошли. В деревню. В какую именно – не уточнили.

Ротный – капитан – франт еще тот, из самого Петербурга за дуэли сосланный – перечить не стал, лишь ухмыльнулся:

– За водкой? Ну-ну, ищите. Коли после казачин хоть капля осталась, но чтоб к вечеру...

– Будем, будем, ваш-бродь! Самим же выпить охота, ага.

И вас приглашаем...

– Водку сначала сыщите! Приглашают они...

* * *

Между тем на крыльце появилась девушка с кувшином на левом плече. Черноглазая, в белом, скрывающем волосы, платке, с миленьким личиком, она спустилась во двор, осторожно придерживая кувшин руками и с любопытством поглядывая на гостей.

– Здравствуйте! – во весь рот улыбнулся Прохор.

Девушка тоже улыбнулась, да, пройдя к птичнику, вылила воду из кувшина в корыто. Иль не вода то была, а какое-то зелье?

Из-за птичника вдруг появились двое парней лет по двадцати с виду. Русоволосые, с бородками, в одинаковых барашковых шапках. Судя по одежде – работники. Эти, в отличие от девчонки, не улыбались, смотрели настороженно. Девушка тоже спрятала улыбку, согнулась:

– Цыпа-цыпа-цыпа!

Куриц кормила, ага. А потом как-то быстро подхватила опустевший кувшин да ушла. Скрылись из виду и парни. Вообще со двора ушли, куда-то подались к винограднику.

– Как бы они это... за турками не послали! – поглядывая на обезлюдевший двор, всерьез забеспокоился Прохор.

Опытный Никодим Иваныч лишь махнул рукой и негром-

ко присвиистнул:

– Да если и так – что с того? Покуда до ближайшего села доберутся, пока там... А мы ведь, чай, сюда не с ночевкой! Зелья хмельного купим – и поминай, как звали. Прощай!

– Так-то оно так...

Парень не закончил фразу – на галерейке, опоясывавшей весь второй – деревянный – этаж, появилась щуплая фигурка подростка:

– Эгей! Заходите. Денчо-дед откусать просит. Заодно и о цене сговоритесь, ага.

Переглянувшись, друзья поднялись по старой скрипучей лестнице на галерею и, сняв треуголки, вошли в дом, сразу же перекрестившись на висевшую в красном углу икону.

В просторной горнице за столом, на лавках сидели двое – седой, но еще вполне крепкий старик в длинной льняной рубахе с кожаным поясом и в подбитом кроличьим мехом полукафтанчике – жупане, и – напротив старика – красивая молодая женщина с темными как смоль волосами, перевязанными широкой зеленой лентой с серебристой арабской вязью. Одета она была вовсе не так, как та давешняя девчонка с кувшином. Богато и... не по-здешнему, что ли. Скорей, по-турецки: узорчатый полукафтан ярко-бирюзового цвета, с широкими рукавами, из-под которого выглядывали рукава белой шелковой рубашки с глубоким вырезом, отрывающим ложбинку высокой груди. Тонкий, украшенный серебром, кожаный пояс, кисейные штаны, мягкие турец-

кие туфли. Золотые браслеты, унизанные перстнями пальцы, тонкие и длинные, как у пианистки. На левом запястье – татуировка с изящной арабской вязью. Смуглая красавица с тонкими чертами лица и пронзительным взглядом.

Откуда она здесь? Каким ветром занесло в этот край? Таким утонченным фифам место, скорей, в гареме какого-нибудь паши. А румяна, румяна! И покрашенные ногти, и тоненькая ниточка бровей – искусно, искусно... Положительно, очень, очень красивая женщина. Необычно, не по-деревенски красивая. Интересно, сколько ей лет? С виду – так и не скажешь. Не девочка уже, да, не так уж и молода. Лет, наверное тридцать... Да, где-то около того.

Алексей и сам не замечал, что не отрывает от красавицы глаз. А та – заметила. Улыбнулась – уголками рта. Подняв глаза, ожгла синим взглядом.

– Я – Денчо Вязов, – указав на лавки, кивнул гостям старик. – А это невестка моя, Мария.

Красавица холодно опустила ресницы – длинные, пушистые, явно покрашенные... Вот ведь, да... И этак – оп! – снова стрельнула глазищами! Словно стрелу пустила. Ляшину прямо в сердце. Нет, не то чтобы капрал был записным бабником, но... От мирских удовольствий молодой человек никогда не отказывался, коли была к тому возможность. Однако здесь ведь не веселый дом?! Чего же тогда она так смотрит?

– Откушайте, чем Бог послал, – хозяин предложил сыр,

кисель, пироги, отварное мясо и еще какие-то яства. Мясо – и это в пятницу, в пост! Гости все же отказываться не стали – невежливо.

– Кушайте, кушайте, – покивал старик. – Так, говорите, Матвей-обозник путь обсказал?

– Он. Поклон передал и... – вспомнив, капрал достал из подсумка серебряную монетку. – Вот. В прошлый раз, говорит, обсчитался.

– Что ж, – старый Денчо довольно хмыкнул. – Всегда приятно с честным человеком дела иметь. Вы ему так и передайте.

– Передадим. Что с водкой?

Не желая возвращаться домой в темноте, Ляшин действовал решительно, сразу взяв быка за рога.

Хозяин понимающе ухмыльнулся:

– Есть ракия, да. По обычной цене брать будете? Что так удивились? Да уж не первые вы здесь у меня. Так что насчет цены?

Старик говорил по-русски, временами сбиваясь на местный говор, но в общем-то, все было вполне понятно.

– Цена? А какая обычная?

– Если в штофах брать будете – одна цена. Если в бурдюках – дешевле.

– Пожалуй, в бурдюках возьмем... Никодим Иваныч, готовь деньги.

Откушав, спустились на первый этаж, хозяин лично раз-

лил в бурдюки ракию, черпая из большого кувшина...

– Попробуете?

– Ну, если только чуть-чуть...

Крепкая – градусов тридцать – водка обожгла горло. Сливовая. Или – на абрикосах, персиках... Впрочем, какая разница? Главное, что хмельное.

– Ну что? Два бурдюка берете?

– Берем! Пожалуй, еще и третий захватим. Никодим Иванович, с деньгами как?

– На третий хватит, но впритык.

Деньгами по молчаливому согласию заведовал опытный ветеран. У Ляшина денежки никогда не залеживались – транжира был по жизни, что же касаясь Прохора, так тот и вообще редко когда монетку в руках держал. Так что – Никодим Иванович, ага.

Деньги у друзей имелись – трофейные. То есть не вообще деньги, а вещи – оружие богатое или, там, золото-серебро. Что в бою досталось – то маркитантам да на девок гулящих ушло. И вот теперь – на пропой. Тоже хорошее дело! А что? Один раз живем! Тем более на войне-то. Сегодня жив, а завтра – поминай, как звали.

Сторговавшись, гости довольно простились с хозяином и, прихватив с собой бурдюки с ракией, тронулись в обратный путь. Пора уже было – за синими горами садилось оранжево-золотистое солнце. Красиво – не оторвать глаз.

Ляшин чуть поотстал от своих, остановился у смоковниц,

полюбоваться... И тут же услышал позади чьи-то легкие шаги...

– Господин офицер, – позвал нежный голос. Алексей знал, чей...

– Да, Мария? Чем могу служить столь очаровательной госпоже?

Вспыхнули синие очи, тут же прикрытые пышными трепетными ресницами. Изогнулись в улыбке губы:

– У меня есть к вам одно важное дело... Если бы вы могли...

– Да, могу! Правда, увы, не так долго.

– О! – красавица негромко засмеялась. – Я не буду вас утомлять до утра. Просто поговорим... Недолго. Вон, видите беседку?

– Ага!

– Предупредите своих людей и приходите. Я буду ждать. Je vais attendre!

Ляшин не стал переспрашивать, просто ему показалось, что он вдруг услышал французскую речь!

– Нет, вам не показалось, мон шер, – красавица словно подслушала мысли. – Мой первый муж, Ибрагим-бей, был урожденный француз из Марселя. О, он называл меня *ta gracieuse Marie* – моя изящная Мари.

– Я понимаю. Немного, да. Je parle un peu.

– Тре бьен! Так я буду ждать. Дело быстрое, но... очень для меня важное. Предупредите своих людей, что немного

задержитесь.

Кивнув, молодой человек бросился за своими. Едва ведь не споткнулся, чуть не упал. Синие очи свели его с ума. И очень быстро! Может быть, потому что так вдруг захотелось окунуться в эту зовущую синеву, нырнуть с головой, пропасть...

Ощущая в груди некое сладостное томление, Ляшин нагнал своих:

– Никодим Иваныч, я тут это... чуть задержусь. Вы ждите у лодки. Я быстро, ага...

Солдатушки переглянулись. Алексей, не дожидаясь ответа, махнул им рукой да, ускоряя шаг, зашагал обратно. За синими дымчатыми горами торчал оранжевый краешек солнца. Еще час-другой – и стемнеет, следовало спешить.

Спешить... Зачем? Что такого важного хотела сказать красавица-синеглазка, вдова турецкого бея?

* * *

Красавица ожидала в беседке, увитой виноградной лозой. Как и обещала. Возлежала на широкой лавке, в шелковых полупрозрачных шальварах и изумрудно-голубом лифе, бесстыдно оголив пупок. Хотя голый живот для восточной женщины как раз не стыдно, куда стыднее, скажем, открытое лицо или не покрытые ничем волосы, тем более так вот распущенные, разлетевшиеся по голым атласно-смуглым плечам.

Томно улыбаясь, Мари курила кальян, стоявший на небольшом столике, пахло сладковатым дымом и было совсем не похоже, что эта женщина собиралась сообщить гостю что-то действительно важное. Нет, вовсе не в этом здесь было дело. Отнюдь!

Ну, а что такого? Захотела женщина немного развлечься. Почему бы и нет, она ведь не замужняя, а полноправная вдова, которую никто не осудит и камнями не забьет. Кому ей изменять-то? Верно – некому. Ах, какая цыпочка, ах...

Одно лишь смущало – слишком уж все как-то быстро, молниеносно даже...

– Садитесь, месье. Да-да, вот сюда... рядом... Курили когда-нибудь кальян?

– Н-нет...

– Так покурите! Думаю, вами понравится... Ну же, смелей!

И вот тут молодой человек вдруг ощутил какой-то подвох! Пока еще смутно, без всяких особых подозрений... Как-то слишком громко произнесла красотка последнюю фразу, как-то уж слишком томно закусила губу. Словно не ханум, не вдова бея, а какая-нибудь девица из лупанария – обиталища веселых и легкодоступных дев.

Впрочем, это все – пустое... Захотела красотка повеселиться – и хорошо. А вот слова, слова... И в самом деле – зачем так громко-то? Иль показалось? Да нет, не показалось – Ляшин разведчиком был не из последних, привык любую

мелочь проверять, иначе б... Вот и сейчас проверил. Повел плечами, невзначай поправив висевший на боку тесак. Тяжеловат, да, но в бою получше шпаги будет, да и деревья можно для костерка порубить...

Вроде бы обычный для солдата жест, но красавица вздрогнула... и взгляд ее вильнул... Явно куда-то глянула... или на кого-то, кто стоял где-то за беседкою... прятался в кустах?

Сейчас дева должна бы как-то отвлечь... Как? Ну да – вот так, как же еще-то? Привстав, выгнулась, томно облизав губы, потянулась так, что грудь едва не выскользнула из-под лифа. Сверкнул в пупке какой-то синеватый камень – сапфир?

– Куда бы повесить этот чертов тесак?

– Да вот...

– Да хоть на тот куст...

– Нет-нет, стой... Эх...

Не слушая, капрал бросился из беседки, на ходу обнажая клинок... И тут же услышал за воротами крики:

– Эй, господин капрал! Не нужна ли помощь?

Свои! Никодим Иваныч и Прохор. В руках у ветерана – пистолет, тот самый, ляшинский, трофейный, Прохор же размахивал ятаганом. Смотри, не порежься – ага!

Из кустов тут же выскочили двое – похоже, те самые парни, которых Алексей уже видел недавно. Работники. Между прочим, с кинжалами... На капрала парни не кинулись, видать, побоялись – опрометью бросились прочь, так, что толь-

ко пятки сверкали!

– Стрелять, Алексей? – подбегая, закричал ветеран.

Ляшин махнул рукой:

– Не надо. Да и бежать за ними – поздно уже.

– Тогда пошли, господин капрал. Времечко-то уже...

– Сейчас... – молодой человек нервно оглянулся.

Уж конечно, станут его дожидаться! В беседке никого не было. Лишь одиноко курился кальян...

– Уходим! – сунув тесак в ножны, быстро распорядился капрал. – Вы-то вообще здесь откуда взялись?

– Так за тобой присмотреть, господине! – на ходу рассмеялся Никодим Иваныч. – Больно уж у тебя вид был такой... этакий...

– Глупый, ты хотел сказать.

– Ну да. Что тут говорить – все мужики от баб красивых глупеют.

Ухмыльнувшись, старый солдат свернул на тропинку, ведущую меж кряжей к протоке. Внизу, за кустарником, журчала вода, слышно было, как на водопаде шумела мельница.

– Вот мы с Прохором и решили – проследим-ка! Мало ли что? Может, не такая уж она и вдовица? Может, какой-никакой ухажер есть? Мешки побросали и...

– Молодцы, – спускаясь вслед за ветераном, негромко поблагодарил капрал. – Ничего не скажу – выручили.

– Да ты и сам, Алексей, похоже, начеку был.

– А в таких делах всегда начеку надо! – сядя в лодку,

Ляшин неожиданно рассмеялся. – Сам же говоришь – вдруг да ухажер какой-никакой есть?

* * *

До расположения полка друзья добрались без всяких приключений, и быстро – плыли-то теперь вниз по течению, не надо было на стремнине выгребать. Пока плыли, стемнело – и последнюю пару верст пришлось ориентироваться на горящие костры бивуака. Пару раз окликнули, спросили пароль.

– Эй, кто тут?

– Петербург!

– Ревель! Ты, что ль, Алексей?

– Ну да.

– Так вы нашли водку-то?

Судя по заинтересованности часового, это был кто-то из своих, астраханцев, то-то голос показался знакомым.

– Нашли, да, – работая веслом, капрал успокоил невидимого стража. Тут же и не выдержал, похвалился: – Три бурдюка везем.

– Три бурдюка?! Одна-а-ако!

* * *

Гуляли всем полком, плюс еще и казаки. Те отмечали при-

бытие, остальные – какой-то местный праздник, ну а солда-тушки из роты Ляшина – удачную засаду и возможное повышение капрала в чинах.

Водку разливали тут же, у костра. Лично Никодим Иванныч.

– Да кружку-то держи крепче! Во-от... А твоя где?

– Да у меня, Никодим Иванович, миска только. Вот в миску и лей!

– Гляди-ко! В миску ему. Ты бы еще таз захватил, Маромойкин.

Сержант Иван Маромойкин довольно хмыкнул и – прямо одним махом – выдул всю миску!

– За тебя, Алексей!

– Силен!

– Это хто тут у вас из тазов-то пианствует?

Во время всеобщего праздника ведь как? Все вместе. От одной компании к другой переходя, пьют, разговаривают... песни поют, да, бывает, и бьют друг другу морды. Так, по-дружески. Правда, покуда до этого не дошло... но донцы уже явились.

– Говорят, вы славную засаду устроили?

– Присаживайтесь, робята, эвон, к костерку. Подвинься, Проша. Водочки?

– Дак ее... Ну, кто тут нынче славен? За тебя, господин капрал! Дай Бог тебе в сержанты али сразу в прапорщики!

– В унтеры, в унтеры... – прозвучал позади насмешливый

голос. Кто-то там же, рядом, подхихикнул, заржал, словно старая лошадь.

Ну, кто же еще! Солдат Иван Хлудов, бывший подпрапорщик, из унтеров в нижние чины разжалованный. Не за трусость, нет – Хлудов никогда труса не праздновал, да и уставную службу нехудо себе знал. За другое. Пленница как-то попалась, красивая юная девка... Вот Хлудов ее и пользовал... да запользовал до смерти. То ли сама она померла, то ли подпрапорщик примучил, черт ее знает, дело темное. У девки-то синяки по всему телу, да пара ребер сломаны... Так это она сама с арбы навернулась, когда турецкий обоз улепетывал, тут уж Хлудов не виноват. Лишь в том виноват, что деву-то в лазарет вовремя не доставил, а сразу – себе. Вот та и померла, бедолага, преставилась. Девку жаль, конечно, хоть и турчанка. Молоденькая, не пожила-то еще совсем. Однако кто-то и Хлудова пожалел – из-за какой-то, прости господи, пленницы воинского звания лишиться. Пусть какой-никакой, а чин – подпрапорщик, все же не простой солдатик.

– Ну, что, господин капрал? Водки нальешь? К костру пустишь?

– Да проходи. Садись вон, вместе со всеми. Ребята, подвиньтесь...

Хлудов и пара его прихлебателей – увалень Самсон Петряков да дылда Елисей Семенов – уселись по обе стороны от своего дружка, нагло толкаясь локтями.

Бывший подпрапорщик первым протянул кружку, под-

нялся:

– А ну, Никодим, плесни-ка... Ну, за нас, братушки! За службу ратную, за Рассею!

Ох, хитрован, умел красивые словеса говорить – за что начальство его и ценило, да и случай тот, с девкой, всем приказано был забыть. Иван Хлудов был парнем видным – двадцать семь лет, грудь широкая, лицо приятное, красивое даже. Усики, длинный, с небольшой горбинкой нос, лицо вытянутое и, скорей, смуглое... или просто загар? Бабам подобные типы нравились, а вот мужики говорили однозначно – хлюст. Слишком уж о своей особе высокого мнения, слишком. Зато других ни во что не ставит, даже вот, прихлебателей своих, «дружбанов верных». Но хитер, хитер, когда надо – без мыла влезет куда хошь!

Не жаловал людей бывший унтер, и это еще мягко сказать! Зато лошадей любил пуще некуда. Многие даже дивились – чего же он не в кавалерии-то? Не улан, не конный егерь, не драгун даже, хотя какие драгуны, к ляду, конники? Такие же, как турки – артиллеристы. Так, пехота ездящая.

Поговаривали, что раньше, в какие-то давние времена, Хлудов и служил себе в каком-то уланском полку, служил офицером, покуда не выгнали за какое-то совсем уж гнусное дело. То ли казну полковую растратил, то ли что-то украл – бог весть, да и Бог-то ему судья, Хлудову, было ли там что, нет ли – что болтать попусту, ничего толком не зная.

Алексей же с Хлудовым был давно в контрах – как, соб-

ственно, и добрая половина полка. С самого своего появления. Именно Хлудов поначалу обозвал его турецким шпионом, да потом всячески унижал, высмеивал... пока не получил по морде. Основательно эдак получил – за что многие «астраханцы» Ляшина очень даже зауважали. Тот же Николай Иванович, Прохор... да многие.

Побитый, конечно, вызверился, затаил злобу и даже хотел вызвать обидчика на дуэль – все знали, на шпагах бывший унтер дерется прекрасно! Чистый бретер. Так, верно, когда-то бретером и был, кто знает? Может, и насадил бы капрала на клинок, да дело дошло до начальства. А там уж разговор короткий! Какая, к чертям собачьим, дуэль между нижними чинами? Были бы оба офицеры – еще куда ни шло, хоть и запретное дело, ну а так – курам на смех!

Вызвали Хлудова, что называется, «на ковер», в хвост и в гриву распекли, охолонули. Вроде и примирились потом оба недруга. Не так, чтоб уж совсем, но так, друг друга не задирали, да и вообще общались только по службе. Или вот как сейчас – когда надобно было единство выказать. Да и от халявной выпивки бывший подпрапорщик никогда не оказывался.

– Ну, теперь за командира нашего выпьем. За Александра Васильевича! Чистый отец нам!

Тут и все подхватили:

– Господину генерал-майору – виват!

– Виват! Виват! Виват!

Не успели выпить... тут и сам отец-командир появился. По-простому, в высоких сапогах и куцем походном мундире.

– Что это ту у вас, братцы? Что за шум, а драки нет?

– Так, может, и будет еще драка, Ваше-прр-ство! От, третий бурдюк выпьем...

– Обязательно будет! – Суворов солдатскую шутку ценил и сам пошутить был не прочь. – А как же? С таким-то молодцами, да без драки! Не по-русски это, вот, ей-богу, не по-русски!

– Мы, господин генерал-майор, за вас хотим выпить!

– За меня? – Александр Васильевич вмиг сделал растерянный вид, какой умел изобразить при появлении самого высокого начальства и даже – говорят! – при дворе самой матушки-царицы!

– А чего же за меня-то? Давайте-ка, братушки, вот что. Давайте за Россию выпьем. Мы же русские – какой восторг! А ну, Епифан, налей...

Хорунжий тут же достал из сумы фляжку и небольшую серебряную стопочку. В полку все знали – водку отец-командир пил только свою, анисовую, и вовсе не потому, что брезговал. Другая имелаась причина – с детства больной желудок. Ну, да на болячки свои Александр Василевич никогда не жаловался, привычки такой не имел, однако же старался держаться с осторожностью, и в пище, и – паче того – в питье.

Конечно же никто не стал кричать, что вот, мол, за Россию ведь только что пили, не далее как сейчас. Хлудов же

предложил! Ну, и что с того, что пили? За Россию-то можно и еще разок выпить... да даже не разок!

– Виват матушке России!

– Виват! Виват! Виват!

Выпили разом, стоя. Честь великая – с отцом-командиром-то!

– Ну, воля ваша, солдатушки, уважили, – рассмеявшись, Суворов махнул рукой. – Пойду... еще казачков навестить надо. Вам же... удачно гулеваньте! Но чтоб без этого... без всего... И офицеры чтоб караулы проверили!

После ухода начальства все еще больше взбодрились, затянули полковые песни:

В караул идешь – так горе,
А домой придешь – и вдвое,
В карауле нам мученье,
А как сменишься – ученье!

Песню подхватили все, даже хлудовские прихвостни, Петряков да Семенов. Солдатушки петь любили, особенно – на марше, да и вот так – у костерка, на бивуаке. Песня сближала, спланивала, с хорошей песней все трудности и лишения воинской службы переносились куда как легче.

Много человек собрались нынче у ляшинского «кошта». Восемь-десять человек, небольшой отряд во главе с капра-лом, именовались артелью, или, по-иностранным говоря – взвод. Вместе несли службу, вместе и жили – и на постое и

вот так, бивуаком. Почти все солдатское жалованье – семь рублей шестьдесят три копейки в год – шло в «общий котел», у Ляшина им заведовал опытный Никодим Иваныч. Туда же – и воинская добыча. Ну, это, если повезет...

Пели песни. Вспоминали былое. Пили. Жаркий костер рассыпал вокруг оранжевые колючие искры, такие, что доставали, казалось, до самых звезд. Пахло горькой полынью и порохом. Где-то внизу, у реки, перекликались караульные – дежурные офицеры проверяли посты.

– А выпьем-ка, братушки, за нашего капрала!

Ну, это уже Прохор напомнил. Снова выпили. Добрались уже и до третьего бурдюка. Солдатушки постепенно пьянели. Впрочем, не только они одни... Слышно было, что и егеря, и казачки донские тоже уже давно не трезвые.

Водка, она ведь на кого как действует. Кто-то спит, кто-то поет, кого-то на приключения тянет, а кого – и в драку. Тут главное, чтоб друг дружку до раны серьезной не довели – оружие-то под рукою! Тут уж всем виноватым не поздоровится – сквозь строй, под шпицрутенами, с десятков раз проведут, а то и расстрелять могут. В военное-то время – запросто.

Вот и следил капрал за своими, сам много не пил, других потчевал. Даже Хлудову наливал.

Бывший подпрапорщик, однако же, зельем хмельным нынче не увлекался. Или, может, просто не брало его хмельное, так ведь, говорят, случается, если злости в человеке

слишком уж много.

Нет, Хлудов вовсе не выглядел угрюмым, что-то говорил, цедя слова сквозь зубы, даже иногда улыбался, только вот улыбка на его тонких губах казалась какой-то приклеенной, да в презрительно прищуренных глазах отражался оранжево-желтый огонь костра – словно адское пламя.

Нет, не улыбка то была, а, скорее, ухмылка, разжалованный унтер не улыбался – лишь как-то по-волчьи осклабился, а вышучивал... с подначками, грязно. Не жалел даже своих... кои, верно, всерьез полагали себя его друзьями. Ах, если бы Хлудов был только способен иметь друзей. Наверное, истинными его друзьями были все-таки лошади.

– А что, господин капрал, вы так с лошадьми и не очень? – дошла очередь и до Ляшина. – Напрасно, напрасно, скажу я вам. Нет, правда! Неужели так сложно подучиться, взять уроки. Я понимаю – пехота, инфантерия. Но вы ведь в офицеры метите, нет? А как же будущий дворянин – и пешком, словно простой мужик? Вы бы обратились к тому, кто умеет... кто может показать...

– Так я тогда к вам обращусь, господин Хлудов, – Алексей развел руками. – Все знают, с лошадьми вы на «ты»...

– Я не учитель! – сплюнув, скривился недруг.

– Тогда к кому-нибудь из казаков подамся. Ежели время да охота будет.

– Казаки? – бывшего улана передернуло, словно бы Алексей сказал сейчас какую-то мерзость.

– Казаки? Да они на марше трех лошадей загнали! То же еще, наездники, с-сволочи.

Тут уж не выдержал кто-то из присевших к костерку донцов. Вскочил, выхватил нагайку:

– Ты кого сволочишь, паскуда?!

Хлудов ничего не ответил, лишь молча выхватил из-за пояса трофейный турецкий кинжал...

Еще немного и...

– Сесть! – тоже вскочив, выкрикнул-приказал Ляшин. Гаркнул так, что у всех сидевших рядом заложило уши! Чуть позже некоторые рассказывали, будто видали, как присели от крика стреноженные казацкие кони.

Хлудов и дюжий казак невольно вздрогнули... хлопнули глазами...

Невдалеке, у протоки, кто-то заливисто засвистел. Вразнобой грянули выстрелы. Тотчас послышался стук копыт... кто-то скакал, неся в лагерь. В дрожащем свете костра Ляшин узнал мальчишку-посыльного.

– Турки! – взвив коня на дыбы, прокричал парень. – Турки прорвались. Турки!

* * *

В ночи слышался стук копыт и крики. В свете луны из-за распадка вынеслась вдруг конная лава! Сверкнули клинки...

– Эй, держись, братушки!

Сам Суворов, выскочив из походной палатки, выхватил шпагу! Рядом возник верный Елифан, подвел коня...

Завязалась скоротечная схватка. Многие, увы, уже не могли встать – спали крепким сном после возлияний, ну а кто смог, тот смог.

Вражеские конники толпой окружили генерал-майора, вот-вот убьют или – того хуже – захватят в полон.

Видя такое дело, Ляшин схватил пистолет и, двинув тесаком попавшегося под руку турка, со всех ног бросился на выручку. Прошку сразу же послали в караул – за подмогой. Старый солдат Никодим Иванович ловко организовал оборону: десяток Ляшина отступил в темноту, заряжая ружья. И потом – залп! Столб огня и дыма!

– Александр Василич! Держись!

Первым же выстрелом капрал уложил бросившегося на командира дюжего янычара. Узрев нового врага, турки развернули коней, и Ляшин, махнув рукой своим, тут же бросился наземь...

Грянул ружейный залп! Просвистели над головой тяжелые пули, сшибая с коней янычар. И снова выстрелы... тут уж, видно, постарался капитан, ротный – он отвечал нынче за караулы и в пьянке особого участия не принимал.

Завязался ночной бой, кровавый и скоротечный: нападающих было мало, и они рассчитывали справиться с русскими сразу, с наскока. А не вышло! Не зря новый командир говаривал: «Тяжело в ученье, легко в бою!» Не зря каждый

день тренировал солдаткушек, гонял до седьмого пота.

Астраханцы быстро оправились, выстроились в каре, ошестинились штыками – попробуй их возьми! Тут подоспели и конные егеря, и казаки, навалились всей массой, не давая басурманам оправиться.

– Ур-р-а-а, братцы! – взвив на дыбы белую лошадь, Суворов взмахнул шпагой, воодушевляя своих солдат. Белые лошаины отца-командира были испачканы кровью. Ранили?

– Ур-ра-а! – рывкнули астраханцы, их тут же поддержали казаки...

Поняв, что с наскоку не вышло, турки повернули коней и с гиканьем бросились в степь... Скакали этак не торопясь, оглядывались.

– Заманивают! – Алексей подбежал к командующему, уцепился за стремя. – Александр Василич, вели на замануху не поддаваться. Лучше пушечками – в хвост!

Суворов улыбнулся, кивнул – услышал. Сунув шпагу в ножны, осадил коня, обернулся:

– Вестовой! К артиллеристам скачи живо. Пущай картечью!

– Есть!

Мальчишка-вестовой умчался, укрылся в ночи... Не прошло и пары минут, как заговорили легкие полковые пушки, завывла, проносясь над самой травой, картечь.

– Ну, вот, – отец-командир довольно скрестил руки. – Теперь уж басурманам мало не покажется! А, капрал?

– Да уж... Так точно, господин генерал-майор!

– Как же они так незаметно прорвались-то?

– Думаю, просто вырезали караул. Турки – мастера на такие штуки.

Поддавая отступавшим вражинам жару, снова грянули пушки. Просвистела, провыла картечь, забирая последние жертвы. На востоке, за широкою лентой реки, уже занималась заря. Алая, словно кровь. Светало.

Глава 2

Май 1773 г. Туртукай

Поднявшееся за широкой рекой солнце светило прямо в глаза, мешало так, что перед глазами маячили слепящие «зайчики». Что там, на середине Дуная, за рекой, не особо и разглядишь. Вот ведь видно, скользят темными тенями лодки. А чьи? Кто там? Рыбаки? Турки?

– Ста-ановись! На первый-второй рас-считайсь!

По приказу командующего полк становился в порядок: осмотреться, пересчитать своих – кого убило, кого ранило, а уж потом что-то решать, и не тянуть с решением.

– Р-равняйсь! Смирн-на! Правое плечо вперед шаго-о-ом... арш!

Солдаты быстро разошлись, тщательно осматривая выделенные каждому десятку участок. Выносили к лазаретной палатке раненых, отдельно складывали убитых – и своих, и врагов, а как же! Посреди лагеря, рядом со штабным шатром высилась гора трофеев: сабли, ятаганы, ружья. Кое-что из амуниции, подсумки. Каптенармусы все уже сортировали, не теряли времени даром.

– Прохора нет, – подойдя к Ляшину, Никодим Иваныч виновато развел руками. – Все осмотрел – нету. Ни среди убитых, ни среди раненых.

– Мыслишь, турки захватили в полон? – вскинул глаза ка-

прал.

– А чего бы и нет-то? – старый солдат прищурился и покачал головой, вглядываясь в солнечно-белую утреннюю пелену, то ли туман, то ли просто водяная, поднявшаяся от реки взвесь, нестерпимо блестящие на солнце брызги.

– Турок, он такой супостат, что всегда поживиться рад. Даже когда бежать приходится. Могли, могли прихватить, не сомневайся.

– Ну да, – задумчиво скривился Алексей. – Раз уж они своих освободили... могли и наших взять.

В серых глазах капрала заиграли недобрые искорки, рука невольно потянулась к висевшей на поясе сабле...

– Вот что, Никодим Иванович. Надобно доложить...

– Так доложили уже, – отведя взгляд от реки, ветеран усмехнулся. – Думаю, господин генерал вот-вот погоню наладит.

Опытный воин знал, о чем говорил. Не успел он закончить фразу, как уже запела труба. Запела по-походному, зовуще – трата-та, тра-та-та. Тут же и синие флажки на флагшток у штабной палатки полезли. Что означало – всех офицеров и унтеров – к отцу-командиру. Со всей поспешностью. Быстро. Прямо сейчас.

– Ну вот, – довольно осклабился ветеран. – Ты, Алексей, ежели что – так сам напросись...

– Да уж не мальчик, чай. Понимаю.

Не прошло пяти минут, как офицеры и унтеры выстрои-

лись возле полевого штаба.

– Р-равняйсь... Смирн-на!

Командиры – дюжий усач полковник Батурин и высоченный, тощий, как жердь, подполковник Мауринов – доложили Суворову. Тот кивнул, глянул на собравшихся.

– Эх, молодцы-братушки! Что же, надобно догнать турка! Полон отбить, да и так – под хвост да в гриву всыпать.

Полковник Батурин лихо подкрутил усы;

– Все пойдем, ваше-ство! Прикажи только.

– Хорошо, – деловито кивнул командующий. – Разведка – вперед! Да, и с полста казачков – с ними же.

Ляшин едва сдержал довольную ухмылку. Вот ведь как дело-то обернулось. И просить никого не пришлось. Придерживая саблю, капрал бросился к своему десятку. Никодим Иваныч уже седлал лошадь. Хоть и пехота, а все же в разведке положено было лошадей иметь. Правда, с Алексея наездник, прямо сказать, неважный... но все ж таки. Как драгуны – до врага доскакать, а там – спешиться, да в штыковую.

Так вот капрал и действовал – по-драгунски. Уселся в седло, обернулся, махнул своим рукою – за мной. Да, подогнав лошадь, поскакал, как мог, следом за казаками по узенькой тропке-дорожке.

Именно там, в той стороне, и скрылись турки. Где-то там, видать, и были припрятаны лодки – переправиться через Дунай. И лодки – большие, лошадей ведь тоже надо переправить, не бросишь же. Пока доскачут, пока погрузятся... Есть

еще время догнать. Успеть бы!

Впереди, с полверсты, неслись казаки, они и заметили первыми небольшую группу людей, придержали коней, охолонули.

– Кто такие? – сверкнув очами, грозно спросил есаул.

– Хрестьяне мы, домнуле-господине, – сняв шапки, пунники низко поклонились. – Паломники. В Негоешти идем. Обители святой поклониться.

Есаул махнул рукой, казаки покивали да поскакали себе дальше – а что зря время терять? Негоешти, да – монастырь, здесь, рядом.

Казаки-то ускакали... а вот разведчики задержались.

– Странно как-то, – обернувшись к Никодиму Иванычу, негромко промолвил Ляшин.

Придержав коня, старый солдат задумчиво пригладил усы и хмыкнул:

– Ну, паломники. Обитель рядом. Что не так-то?

– А ты глянь, как они ловко шапки сняли. Все, разом. Как будто кто приказ отдал. Не воинские ли это люди, а? Турки!

– А зачем туркам в монастырь? Взять они его – не возьмут. Стены! А этих вон, – ветеран кивнул на паломников, – для осады-то маловато будет.

– Так, может, они не для осады, – всматриваясь в толпу, досадливо бросил капрал. – Да и не к самому монастырю – к затону. За лодками! У них же теперь свои освобожденцы... да еще полон! Вот и не хватает лодок-то.

– Тут рядом еще деревня... – вмиг сообразил Никодим. – Можно и там лодки взять.

– А ну-ко, давай посмотрим – что за люди?

– Здорово, братушки! – подъехав ближе, разведчики заулыбались, как и приказал Ляшин. Выказывали радушие, однако пистолеты с карабинами держали заряженными. Ежели что – только выхватить да стрелять!

– Из каких краев будете?

Положив руку на рукоять торчавшего за поясом пистолета, Алексей сурово сдвинул брови. Излишнее радушие выказывать нынче незачем. Местное население – валахи да болгары – хоть и улыбались русским, однако особой помощи не оказывали. Боялись. Кто его знает, как там все еще сложится? Чем закончится война, кто окажется сильнее? Вдруг да опять турки? Басурмане они, это верно, но ведь – привычное зло.

– С Арджеши-реки, из села мы, домнуле-господин. А кто и из самого Букурешта.

– Из села, говорите...

Капрал покусал губу – прикидывал. Паломников – около двух десятков. Все молодые крепкие мужики – ни одной женщины или, там, подростка. Подозрительно? А весьма! Оружия при них не видать... Однако кинжалы да пистолеты можно и под одеждой спрятать. Одежда... Какие-то плащи-хламиды – уж больно запыленные, грязные. Словно бы их специально в грязи валяли, да еще потоптались сапожи-

щами. Под плащами... Хм... Внимательный взгляд капрала тут же выделил то, что ускользнуло от глаз казаков. Торопились казачки, да и нравов местных не знали.

Одежка... Под хламидами-то... ага! Вон и суджери – ту-рецкая воинская куртка синего сукна, а вот и субуны – распашные камзолы. Люди цивилильные – всякие там купцы да прочие – камзолы кушаком подпоясывают, а военные – кожаными ремнями. Вон, как у того... или, вон у этого, уса-того. Господи – а что за штаны у них? Ну, точно – короткие, широкие янычарские! И длинные чулки. При всей своей «отуреченности» местные христиане такую одежду не носят!

Что ж... Ляшин покусал губу – думать нужно было, со-ображать как можно быстрее. Десяток разведчиков – минус Прохор – девять – против двадцати турок. В полон те не сда-дутся – точно. Значит... Значит – быстрота и натиск! И – по-дать сигнал ускокавшим далеко вперед казачкам. Впрочем, те все же услышат выстрелы... Которые обязательно будут!

Хотя... а вдруг – это все же паломники? Совершенно мир-ные местные люди. И получится, что русские солдаты их вот взяли и перебили! Ни с того, ни с сего. Это уж совсем негоже, совсем. Как бы спровоцировать их, что ли... Чтоб сами напа-ли. Первыми. Если уж все же они – турки. Что-нибудь такое сказать, сделать... А, кого-нибудь одного подозвать да спро-сить что-то – и пусть перекрестится, что не врет! Правиль-но! Пусть перекрестится. Турки-то – магометане, уж точно креститься не станут.

– А ну-ка, вот ты...

Поворотив коня, капрал вытянул руку – позвать первого попавшегося... И вдруг вздрогнул, увидев блеснувшие из-под крестьянской шапки знакомые синие глаза. И лицо было знакомым, еще бы! Тот самый левенды-лейтенант! Бретер-турок. Из полона, ага...

Тот тоже узнал...

Мгновение, доля секунды...

Тонкие губы скривились в злобной усмешке. Угрожающе сверкнули глаза. Правая рука ловко нырнула под плащ... Сверкнул на солнце брошенный узкий клинок!

Вне всяких сомнений, кинжал угодил бы Ляшину прямо в сердце! Однако капрал уже был начеку. Пригнулся, выхватил из-за пояса пистоль со взведенным курком. Клацнув, сработал пружинный замок. Ударил кремь по затравочной полке, высек искру... Выстрел!

Тяжелая пуля попала прямым в грудь незадачливому турецкому лейтенанту! Отбросила, швырнула бедолагу в кусты, в придорожный овражек! Что и говорить – судьба.

Тут же разом ахнули карабины! Все вокруг заволокло плотным пороховым дымом. Однако турки наутек не бросились – храбрецы! Кто-то выстрелил в ответ, кто-то выхватил припрятанные ножи и ятаганы. Завязалась короткая схватка, страшная и кровавая... И преимущество здесь было у русских разведчиков: все же конные да при саблях! Все же двое солдат упало – ранены? Убиты?

– Руби, братушки!

Отдав жесткий приказ, Ляшин сунул за пояс пистоль – некогда уже заряжать – и выхватил из ножен трофейную турецкую саблю. Пустив коня на врагов, рубанул с оттяжкой, как учили, как, хвастаясь, показывал не так давно кто-то из удалых казачков...

Тю, а вот и они! Явились, послали полдюжины молодцов, услышав выстрелы. Да тут уж кончено было дело...

Двое наших погибло. Один – ранен. Правда, легко в руку, но все-таки. Что же касается супостатов... кто убит, кто сбежал все же... Никого из тех, кого можно было бы допросить, не осталось.

– За лодками они шли, – нагнав казаков, доложил Ляшин бравому подъесаулу. – За чем же еще-то?

– За лодками? – сдвинув на затылок шапку, казак ненадолго задумался. – А что, так, верно, и было.

Капрал же ковал железо, пока горячо:

– Я вот думаю, может, нам эти лодки взять? Ну, одолжить на время. Коль уж их там турки ждут... А тут мы...

– Ага, – покивал казачок. – Смекаю. Только – кто бы знал, где турки-то?

– Осмелюсь доложить, ваш-бродь, – без особой субординации вступил в разговор Никодим Иванович. – Где турки – тут ясней ясного. Где-то на бережку прячутся и недалече. Лодок ждут.

– Вот тут и мы – с лодками, – Алексей поправил саблю. –

А уже вам дадим знак — явитесь.

— Ну, пусть так, — махнул рукой подъесаул. — Так и сговоримся. Вы, как вражин увидите, знак подайте. Ну, пальните два раза кяду в воздух. Ну и мы, ежели допрежь вас заметим — тоже известим.

На том и договорились. И правда, куда как легче хитрого врага с двух сторон искать — и с воды, и с суши.

* * *

Монастырские дали лодки не сразу, пришлось договариваться с игуменом, на что ушло как минимум с полчаса. Алексей все переживал — успеть бы! А ну, как турки не станут дожидаться добавочных лодок, обойдутся теми, что есть? Ищи их тогда, свищи. А с ними — и Прохора Анцыферова, угодившего невзначай в полон молодого солдата. Эх, Проша, Проша — да жив ли ты еще? Ну, коли турки за лодками отрядец выслали, то... Еще не все потеряно, еще есть надежда, что все пленники — по прикидкам человек с дюжину — живы.

Турецкие солдаты, особенно наемное воинство — левенды, воевало не за просто так. Не только за жалованье, за деньги, но и — в большей степени — за добычу. Так что любой рейд без взятой добычи — даже и разведывательный — это не рейд вовсе, а так, бесполезная прогулка, пустая трата времени. К слову сказать, все солдаты в те времена добычу любили вовсе

не менее турок, но европейские армии были все же поставлены хоть в какие-то рамки. И знаменитый воитель принц Евгений Савойский, и тот же прусский король Фридрих в первую очередь дисциплины требовали. Сперва устав соблюдай, а уж потом – все остальное. Кто же запрещает вражьи города грабить-то? Но грабеж – грабежом, а устав – уставом. Изволь соответствовать. А не будешь – расстрел. У турок же, даже у янычар, порядка было меньше. Хотя дисциплину и те поддерживать пытались – и весьма жестко.

Монахи дали просителям всего-то три лодки. Правда, одну – большую, вместительную, о четырех веслах. Да больше разведчикам и не потянуть было! Всего-то семеро и осталось, ну, еще казачков попросили. Игумен обязательно наказывал лодки вернуть – ну, это понятно. Куда они, лодки, денутся-то? От ружейных пуль да сабель им вреда особого нет, ко дну не пойдут всяко.

Усевшись на носу передней посудыны, Ляшин до боли в глазах всматривался в низкий, заросший черноталом да ивою берег. Впереди виднелась широкая синяя лента – Дунай! Именно туда впадала протока, точнее сказать – речка Арджеш. По ней сейчас и плыли. Переговаривались вполголоса, а больше молчали, присматривались, держа оружие наготове.

Алексей все думал – правильно ли плывут? Правильно ли решили – повернуть за мысом направо и дальше плыть по течению. Так ведь и да – правильно! На высоком противо-

положном берегу – крепость Туртукай с турецким гарнизоном и артиллерией. Именно там, вниз по течению верст пять-семь будет. Именно вниз – и туркам-то как раз в Туртукай надо. Тогда какой им смысл вверх по течению забираться?

Капрал рассуждал вполне логично. Однако так ли думали турки? Может, как-то по-другому решили, всех-то их раскладов Ляшин не знал, догадывался только. Вот, должны бы вражины здесь, по бережку, в кусточках прятаться. Под ивами плакучими, в камышах, за рогозом. Вон, хотя бы тут – омуток, заводь – хорошее, удобное место.

Что-то вдруг мигнуло с берега, ожгло, резануло глаза. Как-то резкая вспышка! Словно кто-то зеркалом зайчик пустил... Ну, пусть не зеркалом – пусть подносом серебряным, медным...

Вот снова вспышка! Солдатушки переглянулись – заметили, сложно было бы не заметить. И что это? Условный знак? Как-то на него ответить надобно? Или просто... ну, мало ли что там блестит?

– Сворачиваем! – капрал решительно махнул рукой. – Готовьте оружие.

Все головы разведчиков были обмотаны кусками ткани – треуголки сменились на тюрбаны, на чем настоял Алексей – для маскировки. Так вот и плыли...

С левых бортов ударили весла, справа же, наоборот – застопорились, вспенили воду... Лодки разом повернули к берегу, погребли...

– Эвон, Лексей, смотри-ка! – придвинувшись, зашептал Никодим Иваныч. – Под ивами-то... лодки, кажись.

– Да то не лодки! То барки целые...

– Турки!

– Ага! Ну, вот они, встретились... Не ошиблись, значит... ага.

– Казачкам знак подавать будем? – старый служака кивнул на пистолет.

Ляшин отрицательно повертел головой:

– Рано еще. Спугнем. Вот подплывем ближе...

– Там вот дальше, за излучиной – Ольтеницы... – Никодим Иваныч всмотрелся вперед. – Селенье большое. Наши там.

– А! – капрал неожиданно улыбнулся. – Это мы такой круг дали? Почитай, на место вернулись.

– Ну да. Не пора еще стрельнуть-то?

– Еще чуток подождем.

Весла мерно взбивали воду. Уже стали хорошо видны и лодки, и сами турки – в турбанах, в длинных камзолах, с саблями. Кто-то смеялся, кто-то махнул рукой. Приподнявшись, Алексей помахал в ответ. Вытащил пистолет, обернулся:

– А вот теперь – пора. У кого пистолеты?

– У меня, господин капрал.

– Ну, давай, Авдей. Я первым стреляю, а уж ты – сразу следом. Да только не вздумай в небо палить. Так, ребята –

суши весла! Кончайте, говорю, грести. Так и другим передайте.

Лодки замедлили ход и почти застыли – здесь, в затоне, течение почти не чувствовалось.

До берега осталось шагов сто или чуть поболее. Для пистолетного выстрела, пожалуй, что многовато. Ну, так, а что пуле-то зря пропадать? Вдруг да угодит в какого вражину? А не угодит, так испугает – мимо просвистит.

Тихо было кругом, безветренно, начинался солнечный весенний денек. По российским меркам – так и вообще уже летний. Вон, теплынь-то. Птички поют, рыба на плесе играет. Красота! Чем не жизнь? Если бы не война, не турки. Турок надо было бить, надо. Турецкий султан завсегда крымского хана поддерживал, а уж крымцы – людокрады первые! Сколько горя от их набегов. Сколько слез, пожарищ, крови... Ничего! Разобьем турок – а там и до Крыма руки дойдут.

Тщательно выцеливал – хотя какое тут, к черту, прицеливание! – какого-то дюжего турка в длинной зеленой накидке – фередже – поверх блестящей кирасы. Видно, начальник. Не этой ли кирасой знак подавали. Вон, рядом худой черт какой-то с подносом стоит... Ну да, поднос – круглый, серебряный...

Грянул выстрел!

Пуля конечно же не попала в турецкого начальника-командира. Угодила уже на излете в поднос, выбив его из рук худого. Тут же прозвучал еще один выстрел – Авдея Нихо-

дова, солдата не молодого уже, но и не очень-то опытного. Так, серединка на половинку, но парень лихой, других в разведку не брали.

Турки сразу же всполошились, забегали – выслали пару лодок наперехват. Правда, на берегу, за деревьями уже слышалось громовое «ура»! То казачки явились на условный сигнал. Быстро. Да и что им тут скакать-то было?

Видно было – и хорошо слышно! – как с молодецким гиканьем вылетели казачки на плес, как выплеснулись на берег да взяли турок на сабли и пики. Быстро и для врагов – безнадёжно. И без того потрепанные во время неудачного ночного рейда турки, как ни старались, достойного сопротивления организовать не смогли. Напрасно махал сабелькой начальник в кирасе и зеленой фередже. Домахался – полетел в воду с раскрытым черепом. Кое-кто из врагов, правда, попытался отстреливаться, засел в ивовых кустах. Казачки ударили прямым залпом из карабинов. Ну, ведь любо-дорого посмотреть! Только ошметки полетели. Что от ивы, что от вражин.

Чу! Из зарослей камышей и осоки вдруг показалась пара узких челнов, явно направляющихся наперерез монастырским лодкам. В каждом – с десятков воинов, не считая тех, кто на веслах. Полетели стрелы... Пара нашли себе цель, поразив двоих казаков на большой лодке.

– Пригнись! – резко ныряя на палубу, скомандовал Ляшин. – Заряжай! Пли!

Заряжай – это он зря скомандовал. Ружья и так были заряжены, рывкнули залпом. Тяжелые пули вышибли пару весел, проломили борта челноков. Несколько турок попадали в воду.

– Зар-ряжай! Лучников бей.

Лучники – это было плохо. Пока перезарядишь пистолет или фузею... Этим же ничего не надобно. Знай, мечи стрелы, покуда не кончатся. А стрел-то – целый колчан.

– Эх, вот у нас башкиры – тоже с луками... – завистливо пробормотал кто-то из казаков. – Вот бы их сейчас...

Солдатушки работали споро. Усевшись на мокрое днище лодки, ловко затолкали шомполом бумажный патрон, насыпали на затравочную полку порох...

– Стрелять по готовности. – Зарядив пистолет, Алексей осторожно высунул голову... и едва не получил между глаз стрелу! Хорошо, уклониться успел – просвистела, зараза, над левым ухом. Мимо! Стрела – не пуля.

– Пли!

Бахнули вразнобой, как и было указано. Тут уж расстояние невелико, тут уж не промахнешься!

Вот еще один турок полетел в волну... за ним другой, третий... Тут только вражины задумались, повернули свои челны, поставили поперек течения...

Да только зря! Отвалив от берега, уже поспешала по помощь разведке широкая трофейная барка. Те, что в челноках, заметили ее уже поздно – когда грянул залп!

– А-а-а! Вот вам! – переведя дух, злорадно захохотал Авдей Ниходов. Приложившись к ружью, выстрелил... – Вот вам, басурмане, вот!

Никодим Иванович между тем наострил глаза:

– Ужели Проша? Лексей Василич, глянь!

И впрямь – на носу барки примостился пропавший Прохор Анцыферов, целясь во врагов из трофейного мушкета. Выстрелил... Застил все барку дымом...

– Прохор, эгей! – когда дым рассеялся, Алексей помахал рукой. – Ты жив там, как?

– Да жив! – молодой воин радостно заулыбался. – Басурмане побили малость, а так... Ну, я им счас, ага...

Парень вновь приложился к мушкету... только вот стрелять уже было не в кого. Полупустые, с редкими оставшимися трупами, челны медленно уносило течение. Кто-то из раненых турок все же еще пытался грести...

Преследовать не стали.

– Черт с ними. Кто уж спасся – тому дьявол помог, – раскуривая трубку, заявил подъесаул.

Монастырские лодки одна за другой причалили к берегу.

– Гляди-ко, тут у них еще и добра сколько! – выбравшись на берег, радостно оглянулся Ниходов.

В большой плоскодонке, полувытащенной на прибрежный песок, лежали свернутые в рулоны ковры, кованые сундуки, одежда, золотая и серебряная посуда – в том числе и подносы – и прочее добро, награбленное турками в прибреж-

ных селениях, а то и в русском обозе.

* * *

Свой небольшой отряд в количестве около двух тысяч человек Суворов получил еще в начале мая. Все понимали, что генерал-майору, герою войны в Польше, дали роль простого полковника. Отправили на передовую с такими куцыми силами, что предпринять ничего серьезного будущий генералиссимус просто не мог.

Однако по виду отца-командира никто бы не мог сказать, будто бы тот погрузился в уныние. Отнюдь!

– Ах, молодцы, молодцы лихие! – от души смеялся Суворов, узнав итоги разведывательного рейда. – Лодки, говоришь, попросили. И что, дали монахи? Так вы их вернули уже, лодки-то?

– Ой, господин генерал-майор, – почтительно стоявший у командирской палатки капрал виновато развел руками. – Забыли, поди, отдать-то! Я сейчас побегу, напомню.

– Потом напомнишь, – опустившись на раскладной стул, Александр Васильевич вытянул ноги.

Высоко в небе припекало солнце. Пахло сухой травой, цветами и еще чем-то таким, родным... Сенокосом пахло!

Ах, сенокос, сенокос. Все солдатушки да и многие унтеры были из крестьян, что такое сенокос – знали. Вот и сейчас вспоминали многие.

– Эх, пойдём, бывало, сено косить. Не на день – на неделю-другую. На одном лугу – мы, на другом – дальняя деревня. Девки! Шалаши, костры. Вот тут и женихаться! Песни до утра и там... это...

– Дак, когда и косить-то? Коли всю ночь проженихаетесь?

– Вот и я к тому...

Впрочем, капрал Ляшин этих рассказов не слышал – все у палатки стоял, ждал распоряжений!

И таковые последовали. Ну, так ведь не зря же Александр Васильевич к себе сразу после совета штабного вызвал! Не просто же лясы поточить.

– Лодки, говоришь...

Суворов задумался, прикрыв глаза рукою, то ли от солнца, то ли так лучше ему думалось.

– Значит – лодки! Нам, братец ты мой, надобно Туртукай потрясти. Ну, не взять даже, а так – тряхануть... чтоб турок отвлечь от Силистрии. Ну, а даже и взять... – тут Александр Васильевич неожиданно улыбнулся. – Да уж. Мысли, взять – это нехудо выйдет! Правда, там гарнизон четыре тысячи, а нас всего две... Ну да не числом воюют – уменьем! А? Как мыслишь, капрал?

– Если надо – возьмем! – вытянулся Ляшин. – Не числом, так уменьем. Лодки, думаю, на Арджеше-реке можно найти. И монастырские, и деревень рыбацких там много. Найдем лодки, ваше превосходительство. Найдем.

– Молодец! – генерал-майор одобрительно тряхнул кудрями. – Сегодня и отправимся. И за лодками, и так... посмотреть. Что к чему – прикинем. Казачки-то как с лодками?

– Гребут исправно!

– Ну так, чай, с Дона! К гребле с детских лет привычные. Их за весла и посадим. Когда лодки найдем.

* * *

На следующий день уже и отправились, сразу с утра, едва успев отдохнуть после вчерашней схватки. Сам Суворов с верным денщиком и хорунжим Епифаном, казачий разъезд и разведчики – Ляшин, Никодим Иванович и спасенный из турецкого плена Прошка.

Последнему вчера выписали на орехи, чего уж! Хлебнув бражки, допытывались: как это его угораздило в полон попасть?

– Да как, как... – Прохор смущенно хлопал глазами. – Да вот так! Одного басурмана на штык, второго... А тут – бум! Что-то в башку прилетело. Очнулся уже связанный, в лодке. Вокруг – турки. Лопочут по-своему, смеются. Пошевелиться не дают – сразу ногами пинают. Ну да я извернулся. Уже потом, как пришел в силу... Да и у басурман замятня вышла – погоню заметили. Тут и я ослобонился. Стукнул стражника кулаком, своих развязал, да...

– Ну, дальше мы видали. Герой!

- А шишка-то у тебя знатная! Чай, не пушечным ядром?
- Ядром-то ему бы башку снесло!
- Знаю, что снесло б. Шуткую!

* * *

На реке Арджеше, у монастырских рыболовных мест – то-ней, и остановились. Александр Васильевич с казачками на-скоро усвистал в Негоешти, договариваться с игуменом на-счет лодок. От речки до монастыря было верст десять. По-ка туда, пока там, обратно еще – часа на два-три, не менее. Те лодки, что брали вчера, вчера же и вернули, уже ближе к ночи – пригнали к монастырским рыболовным мосткам – тоням.

– Что ж, выходит, нам опять эти лодки спрашивать? – усмехнулся Никодим Иваныч. – Тогда бы и не возвращали уж. Сговорились бы так.

* * *

Нынче о монастырских лодках беспокоился сам команду-ющий, делом же разведки было с той же целью обойти все окрестные деревни. Ну, и осмотреться – что тут да как.

Лодки Алексей нашел не сразу – то есть мостки-то у каж-дой деревни имелись, только вот местным крестьянам не

очень-то хотелось расставаться со своим добром даже на время и за приличные деньги. А вдруг да что как? Ядро турецкое лодочку разнесет в щепки или еще что-нибудь такое случится.

– Вот ведь люди! – ругался Прохор. – Мы их от турок ослобоняем, а они... Хрестьяне называются – тьфу! Жадные – хуже турков.

– Да уж, они такие, – присев на плоский камень на олице одной из деревень, Никодим Иванович раскурил трубку и блаженно зажмурился, наслаждаясь неярким, скрывшимся за полупрозрачное облачко, солнышком. Добрый нынче выдался денек – не жаркий и не дождливый. В такой сено косить хорошо.

– К туркам-то они привычны, – ветеран выпустил изо рта клубы дыма. – Завсегда при них жили.

– Что ж, не примучивают их турки-то?

– Примучивают. Да, похоже, не особо. Бар здесь никаких нет, крепостных – тоже. Начальство турецкое далеко, янычары раз-два в год наезжают. А так – старосте своему подчиняются да подати платят. Чего не жить?

Усевшись рядом, в траву, Ляшин покачал головой:

– Ох, Никодим Иванович, крамольные ты речи ведешь! Сейчас скажешь – под турком-то местным лучше, чем при нас.

– Не лучше – привычнее. Они турку кланяются, а наши крестьяне – барину. Что турок, что барин – все, что хотят, могут. Крестьяне для них ровно скот. Турки так ведь их и

зовут – скотина, райя.

– То-то я и смотрю – не особо нам местный люд помогает, – покачав головой, Прохор задумчиво посмотрел в небо, – но и не мешает. Так, живут, как и жили.

– Думаю, и при нас они так же будут жить, – жуя травинку, философски заметил капрал. – Не лучше, но точно не хуже. Только подати будут не турку платить, а матушке Екатерине. Может, даже и поменьше чуток.

– А может, царица-матушка вообще их от всяких податей ослобонит!

– Может, но ненадолго. Говорю же – все так и останется. Как жили, так и будут жить – слободами. В крепостные их, чай, не отдадут, все земля сия – государевой будет. Однако вера – Христова!

– Вот за Христову-то веру могли бы лодки и бесплатно дать, – Прохор недовольно сплюнул и, вздохнув, посмотрел вдаль. – Помнится, была у меня в деревне зазноба... Так барин ее... гостям...

Больше ничего не сказал парень. Посмурнел лицом, задумался.

– То так, Проша, – выплюнув травинку, негромко протянул Алексей. – Однако, думаешь, свободным жить легче? За тебя, за всю твою жизнь – барин думает, а здесь – командиры. Считаешь, думать да за других отвечать – просто? Люди-то и за самих себя отвечать не приучены... а, Никодим Иваныч?

Старый солдат хмыкнул и принялся выколачивать трубку

о камень. Вытряхнув пепел, скосил на командира глаза да промолвил лукаво:

– А у тебя, Алексей Василич, мысли-то покрамольнее моих будут!

* * *

Лодки все же нашли, и довольно быстро. Кто-то дал с удовольствием, едва завидев в руках ветерана звонкие серебряные монеты. Кто-то не хотел давать, смотрел с явной враждебностью и подчинился лишь нехотя, со страхом и тщательно скрываемой злобою. Впрочем, нашлись и такие, кто отдал свой челн с радостью, и даже бесплатно – за-ради единоверцев! Вот так. Разные люди здесь жили. Разные.

Ближе к обеду явился Суворов, сразу же послав часть казачков в лагерь – за гребцами. Александр Васильевич выглядел довольным, шутил и фальшиво насвистывал какой-то военный марш. Похоже было на то, что с игуменом сговорились, ко всеобщей выгоде.

– Ну, теперь можно и глянуть – что тут да как. Седлай коней, разведка!

– Господин генерал-майор! – подскочив, Алексей выпятил грудь. – Разрешите доложить?

– Ну, докладывай.

– Господин генерал-майор, Александр Васильевич, осмелюсь доложить – лучше бы на лодках проплыть, чем на ло-

шадях. Местность тут разная – то кусты, то буераки. Лошадка-то может и не пройти, а вот челны... Тем более и искать ничего не надобно, эвон, лодок-то у нас нынче – ого-го!

– Эге-ге! – скривившись, передразнил Суворов. – Хитер ты, парень, как я погляжу. Это уже не доклад – это предложение... И... хм... – не такое уж и плохое. Ладно, лодки так лодки... Давай на весла... Епифан! Ты тоже со мной. И ты, и ты...

– И я, господин генерал-ма...

– А, разведка! Ну, как же без вас?

Отплыли на тех челноках. Выбрали, чтоб поуже, побыстрее. Лихо спустились вниз по течению, к заросшему осокой мысу. Сразу за мысом блестел нестерпимой синью Дунай.

Как выплыли к большой реке, командующий приказал держать ближе к берегу, к затону. Взял у Епифана подзорную трубу, приложил окуляр к правому глазу, внимательно осматривая противоположный – турецкий – берег. Высокий, с кручами... Посмотрел, покусал тонкие губы... и неожиданно передал трубу Ляшину:

– А ну-ка, капрал, глянь. Посмотрим, что скажешь.

Алексей всмотрелся... кое-что он заметил сразу, еще из лодки, так сказать, невооруженным взглядом, теперь же представилась возможность рассмотреть все гораздо подробнее.

– Ну-ну, не молчи, капрал! – Суворов нетерпеливо дернулся. – Давай, говори, что видишь.

– Вижу кручу... Камни, кусты... – перечислил Ляшин. – Камни эдак плотненько сложены. Не похоже, чтоб сами собой... Блестит что-то... Ага – пушки!

– Молодец! – хмыкнув, генерал-майор одобрительно рассмеялся. – Турецкую батарею заметил.

– Там, левее – еще одна... А чуть ниже – воинский секрет. Наблюдатели.

– С чего так решил? – Суворов по-настоящему удивился, даже приподнялся в лодке, словно собрался вот прямо сейчас, как есть, в сапогах и мундире, прыгнуть в воду и добраться до того берега вплавь – там и рассмотреть все пристально.

– Дымок, ваш-бродь, – вполголоса пояснил разведчик. – Во-он, над черноталом. На костер не похоже, на пожар – тем более. Думаю, табачный дым. А кто там может курить?

– А ну, дай-ка трубу... – отец-командир вновь принял к окуляру. – И впрямь – дым. Точно – табак. Ага, вот и турки... Наблюдатели, да! Молодец, капрал – глазастый. Я-то их поначалу и не приметил...

Передав трубу Епифану, Александр Васильевич приказал медленно грести вниз по течению. Сам же задумался, вытянув ноги... Разговаривал эдак негромко, вроде бы сам с собою:

– Значит, устье Арджеши-реки у врага полностью под контролем. Тут тебе и артиллерия, и наблюдательный пост. Незаметно не прошмыгнешь. Ночью разве что... Хм... но-

чью...

– А луна, господин генерал-майор? – не выдержал Ляшин. – Может, лодки незаметно вниз по течению переправить... версты на две, на три... Ну, если и там пушек нет...

Суворов саркастически хмыкнул:

– Ну, ты мне еще посоветуй, поди! Хотя... в чем-то ты прав, да... Ночью – да! Но и не здесь... Сейчас проплывем, глянем. Эй, гребите шибче! Ага... Придумать бы теперь, как нашу лодочную ораву мимо вражеского секрета провести. Ночью... да, но луна. Да и лодок у нас – почти целый флот!

– А если по берегу, на подводках? – снова влез Ляшин.

На этот раз командующий его не одернул.

– На подводках, говоришь? А что? Всего-то версты на три... Епифан, слышал? Займешься.

* * *

Как ни прикидывай, а для разведки боем Суворов мог выделить всего-то человек пятьсот – против четырех тысяч турок. Ну, на то и разведка... Не крепость же брать... хотя... Эх, еще бы столько же!

– Вестового ко мне! Так... живо скачи к Салтыкову, он тут недалече, знаешь, где. Граф. Почитай, наш сосед. Вот и путь по-соседски людишками-то и поможет. Нам бы еще человек пятьсот пехоты... Ну, что даст. В письме все написано. Вперед!

– Слушаюсь, ваш-с-тво!

Отдав честь, вестовой прыгнул в седло и тут же умчался – только пыль под копытами заклубилась.

Генерал-майор, один из признанных героев этой войны, граф Сергей Владимирович Салтыков выделил лишь пятьсот карабинеров. Что смог. Карабин – не тяжелая убойная фузея со штыком, в рукопашную действовать им, мягко говоря, несподручно. Да и метко стрелять... Что карабин? Просто короткое кавалерийское ружье, которое можно было носить за спиною да использовать при нужде. Какой там, к черту, в кавалерии штык? Какая меткость? Ну, насчет меткости – попробуй-ка метко постреляй с коня на скаку! Так что не в меткости дело – в удобстве. Из тяжелых ружей – фузей – тоже особо метко не выстрелишь. Исход боя тогда решали залпы! Иногда – всего один, но удачный. Ездящая пехота – драгуны – сражающиеся в пешем строю, имели уже не карабины, а специальные драгунские ружья, обычных пехотных ненамного короче и легче.

– Эх, не карабинеры нам бы нужны – пехота! Ну, что есть – то есть.

Посетовав, Суворов махнул рукой и приказал всем строиться.

* * *

В последнюю, перед «поиском»-рейдом ночь десятку Ля-

шина вновь выпало нести караул. Просто подошла очередь. Можно было бы, конечно, поменяться... но ведь не с Хлудовым же! Тот еще гад, хуже турка. Разве что... А, впрочем, выспаться можно и днем, после караула. Как раз перед рейдом.

И вновь расположились засадою у реки. На этот раз – у Дуная. Ночь выдалась не то чтобы холодная, но... какая-то промозглая, что ли. На Ляшина даже озноб напал – иль это от волнения перед завтрашним рейдом?

Выбравшись из караульной палатки, молодой человек пожегся да, помахав «для сугрева» руками, отправился проверить пост.

– Стой! Кто идет?

– Ревель!

– Нарва! Проходи... Что, Лексей Василич, не спится?

– Да какой тут, к ляду, сон!

Можно было не сомневаться, разведчики несли службу исправно, на посту никто не спал, не курил даже. Впрочем, из курящих тут был один Никодим.

– Что, Никодим Иваныч, так трубку-то и не раскурил?

– Дак приметно больно – огонь, – тихонько посмеялся старый служака. – И запах еще. Вдруг да кто подберется – точно учует.

– Это верно, да...

Где-то недалеко, справа, вдруг послышалось лошадиное ржание и стук копыт. Караульные сразу же напряглись, при-

готовили ружья...

– Эй, где вы тут? Ревель! – подъехав, промолвил кто-то из всадников.

– Нарва, – с облегчением отозвался Ляшин.

Свои. Казачий разъезд. Да и откуда здесь чужим-то взяться?

– Что там, братцы? Тихо все?

– Да покуда тихо.

Захрипели лошади. Снова стук копыт. Стихло все... Лишь месяц висел в черном ночном небе в окружении мигающих звезд.

Судя по месяцу, через час следовало сменить пост. Поставить вместо Никодима с Прохором Авдеева... и еще кого-нибудь с ним – и тех уже до утра. Самому же... пойти вздремнуть, что ли? А что?

Снова заржала лошадь. Резко так... и вдруг так же резко ржание оборвалось. Опять казачки... Ну, их тут нынче много.

– Одначе нехорошо, – прислушиваясь, озабоченно молвил ветеран.

Капрал резко повернулся:

– Что нехорошо, Никодим Иванович?

– Да лошадь. словно бы ей ноздри заткнули. Ну, чтоб не ржала.

– Думаешь, не казаки это? Кто-то чужой?

– А что, Алексей Василич, думать? Глянуть надо. Там до-

рожка есть... как раз от реки.

– Так глянем. Прохор, пошли... Осторожно только – ноги не поломай.

Насчет ног господин капрал пошутил – хоть здесь, в зарослях, и темновато, несмотря на лунную ночь, однако места кругом давно уже были обхожены и хорошо караульным знакомы. Каждый камень, каждый кусток, каждая ямка.

Так что шли спокойно, уверенно даже. Не то чтоб как по столичному Невскому, но как-то вроде.

Первым неладное заметил Прохор. Присел резко – за ним и Ляшин. Пока что – не думая. Чтоб луна в спину не светила.

Впереди, за ивами, фыркнула лошадь.

– Лошади... – прошептал молодой солдат. – Навозом пахнет – чую. Не одна лошадь...

– Казачки? – вслух предположил капрал. – Если они, то почему так тихо? Наши донские парни обычно не шибко стесняются. Даже в разъезде могут ласы точить. Что-то я никаких разговоров не слышу...

– Не, говорят... Бормочут что-то. Ну, тихо так... Может, поближе, к кустам. Там луг заливной... В ночном кто-то? Пасет лошадей?

– Тогда бы костры жгли!

– Да уж. Костра что-то не видно. И дымом не тянет...

Караульные осторожно прокрались к ивам. Затаились, глянули на заливной луг...

– Мать честная! – Прохор едва не выругался. Еще бы!

Над лугом, над серебристой травой бесшумно плыли кони! То есть не плыли, конечно, так, шли себе... А всадники спешили, вели лошадей под уздцы... Интересно, с чего бы казакам спешиваться?

Да, потому что не казаки это были! Совсем не казаки.

— Турки! — с ненавистью ахнул Прохор. — Вот ведь сволочи! Переправились где-то уже...

— Давай-ка быстро отсюда... — шепот капрала казался просто шелестом листьев. — Ты — к нашим, предупреди. Я — к казачкам.

— А вдруг вражины...

— Не успеют! Казачки-то совсем рядом.

* * *

Магомет Конаклы, Конаклы-эфенди, лейтенант, командир конного бейлика, был нынче доволен судьбой. Ну, везло! Везло же, слава Аллаху, всемилостливому и милосердному. Был простой человек и вот уже лейтенант, эфенди! Там, глядишь, дорастет и до бея — а бей это уже совсем другой коленкор! Такое звание и наследникам передать не стыдно. Правда, пока что не было у Конаклы-эфенди наследников, как не было и жены. Ничего, скоро и жены, и наложницы будут, да еще и богатство! На то она и война! Вот кем бы он, Магомет Конаклы, был без войны? Водоносом в Измире? Хорошо, обратил на себя внимание бея, а тут как раз и

война. Поначалу – простой солдат-сипах – Магомет быстро снискал среди сослуживцев нешуточное уважение и страх, тоже нешуточный. Потому что смел был, быстр, как лесная лань, и еще – жесток. Жесток и со своими, и – тем более – с неверными. Ах, как нравилось Магомету рубить головы врагов! Вот ведь счастье-то! Ну да – настоящее воинское счастье, и он, Магомет Конаклы, это свое счастье нашел. Нынче он уже не простой сипах, а лейтенант, эфенди, и не в пехоте. Хотя, конечно, драгуны-секбаны не совсем конница – бьются-то в основном пешими. Ну и что с того? Все равно – на конях! Быстрота, удаль, натиск! И все вражеские обозы – твои. И еще – маркитанты. Маркитантки... рыжие гурии, ах... Одной такой Магомет недавно сломал спину. Гордая слишком была! Можно было бы еще содрать с живой кожу – так померла, змея. Ну, туда и дорога. Еще будут гурии. Много. Еще не с одной можно будет кожу содрать. На то и война. И он, Конаклы-эфенди, на этой войне – не последний. Хоть и небольшой, но начальник, командир местных войск – йерли кулу. Вообще-то «йерли кулу» – «местные рабы» – те еще были вояки! Но Конаклы-эфенди их вымуштровал, запугал, как мог, и теперь – любо-дорого посмотреть. Не на всех, конечно, но хотя бы на большинство. Орлы! Молодцы один к одному. Бесшабашные, жестокие, храбрые.

Нынче лихой рейд! Побить урусов, пограбить обоз, заодно прихватить девок из местных деревень, урусам покорившихся. Девки поначалу – на круг, потом – на рынок. Продать

– хороший будет бакшиш, якши!

– Якши! – хищно ухмыльнувшись, Магомет погладил эфес сабли и, поправив фереджи, бросил взгляд на своих подчиненных.

Хорошо шли! Не шли – плыли. Как корабли, плыли по серебристому лугу, залитому лунным светом. Беззвучно, словно в волшебном сне. Уже скоро и по коням, в седла... И – в бой! Возникнуть в ночи неожиданно для врага, налететь, разбить, разгромить... Эх, вдосталь помахать саблями! Пусть верный клинок этой ночью напьется крови врагов. Досыта! Алла иль-Алла! Аллах велик и все мы – дети его.

Еще раз поглядев на луг, на мерцающую в окружении звезд луну, Конаклы-эфенди прикинул, что пора бы и начинать. Обернулся, вытащил саблю... Но скомандовать ничего не успел!

Резко разорвав тишину, вдруг прозвучали выстрелы! Шальная пуля попала Магомету в шею. Лейтенант захрипел, повалился в траву безжизненной куклой. Дух его покинул тело, устремясь... в кущи ли райские или совсем уже наоборот – кто бы знал?

Потеряв лихого своего командира, турки оказались в растерянности. Это же были не столичные войска и не янычары, а всего лишь местные – йерли кулу. От таких ждать героизма без командирского пригляда – зря время терять.

Тем более было от чего прийти в растерянность! Откуда-то слева вылетели вдруг, казалось, прямо из ночи, неудар-

жимые демоны верхом на черных конях! Громыкнули, плюнули огнем пистолеты и карабины, грозно сверкнули сабли и наконечники пик.

С молодецким гиканьем помчалась казацкая лава, не давая пощады врагам. Наискось, по всему лугу. Ударила туркам во фланг, неожиданно, жестко. Большая часть врагов погибла тут же, кто-то угодил под саблю, кто-то под пику, а кое-кто и пулю словил. Как молодой командир отряда, эфенди, лейтенант.

Серебряная трава окрасилась вражеской кровью, и казалось, кровавой стала луна. Часть турок все же пытались спастись – бежали к реке, к Дунаю, бросив всё. Спаслись ли? Скорее всего – да, никто ведь их толком и не преследовал. Так что – спаслись. Если не утонули в реке. Дунай широк – переплыви, попробуй!

* * *

За этот ночной бой весь караул Ляшина удостоился личной благодарности отца-командира. Суворов ведь тоже этой ночью не спал, все планировал, как лучше провести рейд. И тоже решил – ночью. Как вот эти турки. Только туркам не повезло... Повезет ли русским?

– Турок не дурак, однако, – встречая рассвет, Никодим Иваныч раскурил трубку. – На том берегу у него и пикеты, и пушки. И еще – крепость целая!

– Ну, крепость, чай, штурмовать не будем, – присаживаясь рядом с ветераном на старое, поваленное ветром, дерево, покачал головой Прохор. – Сказано же – разведка боем. Поиск! Ну и вниманье врагов отвлечем для вящего нашего наступления.

– Все так, – Ляшин, прищурясь, посмотрел за реку, словно бы заглянул в глаза неприятелю. – Однако как там пойдет – видно будет.

– Вот то-то и оно, – поддакнул старый воин. – То-то и оно.

* * *

Наступало утро, по-южному быстрое, взорвавшее ночь яркой солнечной вспышкой. Побледнев, резко погасла луна, и словно бы кто-то потушил звезды. Лишь одна Венера осталась и еще долго горела ярким белым фонариком. Растаял, растворился почти без остатка утренний полупрозрачный туман, скрывавший берег. Зажглись, вспыхнули золотом вершины деревьев – высоченных буков и грабов. Радужась погожему дню, заиграла на плесе рыба, заскользили над самой водой синие стрекозы, а над заливным лугом появились разноцветные беззаботные бабочки. Специально отряженная команда собирала трупы. Коль есть время, так, стало быть – похоронить. Негоже людям – пусть и врагам, и нехристям – так вот, в траве, валяться, словно какая-нибудь никому не нужная падаля.

Подобрали и бездыханное тело Магомета Конаклы-эфенди. Молодой солдатик снял портупею, прибрал пистолеты, огниво, кинжал. Подумав, стащил и фереджи – то ли халат, то ли плащик. Пес его знает, что. Так ведь и не носить взял – маркитантам. Вещь добротная, дадут справно.

* * *

Ночь на десятое мая 1773 года выдалась светлой. Ярко сверкали звезды. Мерцающая лунная дорожка тянулась через всю реку, от одного берега к другому. Казалось – ступай да иди себе по узенькому серебристому мостику. Шагай до самого Туртукая.

Казаки, егеря и астраханцы, соблюдая полнейшую тишину, сноровисто погрузились в лодки. Все произошло быстро, без суеты и лишних разговоров. Выстроились на берегу...
– Левое плечо... вперед...

Никто не кричал, ротные отдавали команды вполголоса, солдаты действовали проворно и четко. Уселись в лодки по взводам-десяткам, сообразуясь с заранее намеченной разметкой. От большого серого камня до смородиновых зарослей – казаки, от смородины до камышей – астраханцы, ну а дальше уже – егеря и присланные графом Салтыковым карабинеры.

– Посадку закончил! – усевшись на носу лодки, доложил Ляшин.

Негромкие голоса унтеров слышались один за другим, по всему берегу. Не орали, но опять же, особо до шепота не опускались, понимали – рано или поздно турки все равно заметят неладное. Такую ораву лодок – пятьсот человек – не скроешь! Ну, лучше бы, конечно, попозже заметили, да тут уж как Бог даст.

По команде солдатушки взмахнули веслами. Поплыли. Алексей бросил взгляд на своих – все выглядели сосредоточенно, в соответствии с предстоящим делом. Сидели тихо, лишь глаза сверкали в свете луны. Взамен убитых во «взвод» Ляшина добавили еще трех карабинеров из тех, что прислали в подмогу. Карабины, да, выглядели весьма хлипкими, не то что солдатские пехотные ружья, из коих не только стрелять можно убойно, но и действовать штыком, прикладом.

– Как в атаку пойдем, в середине каре становитесь, – на всякий случай предупредил Ляшин.

– Да уж понимаем, господин капрал, не дети малые, – один из карабинеров – дюжий усатый молодец – усмехнулся, поправив на голове франтоватый кожаный шлем с перьями. В таких шапках удобно было метать фитильные «бомбы» – гранаты или «гренадки». И припасы эти у карабинеров имелись. Хоть и не гренадеры, да.

Ну, хоть так. А вообще, с виду – парни brave.

– Интересно, доплыли уже до середины? – орудуя веслом, вслух прикидывал Прохор. Сам себе же и ответил так же вот, отрывистым шепотом: – Наверное, да. Доплыли. Вон уж и

крепость видать.

Башни Туртукайской крепости и впрямь уже стали хорошо заметны на фоне неба, светлого от луны и звезд.

– Однако скоро и...

Впереди – казалось, совсем рядом – вдруг громыхнул выстрел. Потом еще один – и еще.

– Заметили! – с досадой бросил Авдеев.

– А ты как хотел? – дюжий карабинер хмыкнул и презрительно сплюнул в воду. – Этакую-то прорву и не заметить? У турка, чай, тоже пикеты выставлены.

– А ну, парни! Пли! – передали по цепи с соседней лодки.

Турки стреляли вразнобой, горохом, словно собаки лаяли. Пули уносились в ночь, падали в воду, почти не причиняя вреда.

– Тоже еще, стрелки...

Приложившись к карабину, усач произвел выстрел, целясь в направлении вспышек турецких ружей. Пальнули и остальные, все, кроме гребцов.

– Ну вот, в белый свет как в копеечку!

– Скорее – в черный.

По команде капрала все принялись перезаряжать ружья... С башен крепости громыхнули пушки. Ядра пронесли над головами солдат, упали где-то далеко в реку. В ответ им заговорили орудия с русского берега. Над Дунаем разразилась настоящая канонада, гром орудий и ружейные залпы, наверное, были слышны и в самом Букуреште!

– Никудышные стрелки турки, – снова позлорадствовал дюжий.

– Да уж, артиллеристы они неважные, – забив в ствол бумажный патрон с мерою пороха и пульей, капрал махнул шом-полом. – А похоже, братцы, – приплыли. Ну, пошли, помо-лясь...

С берега уже доносился бравый голос капитана:

– Причаливай! Выходи... В каре – стройся!

– Егеря-а! Стройсь!

Алексей почувствовал, как нервно забилося сердце, вле-комое громоханием пушек и выстрелами – музыкой начина-ющегося боя.

Дробно забили барабаны. Затрубила труба, взвизгнули сигнальные флейты.

Высадившиеся астраханцы споро выстроились в два каре. Одним командовал полковник Батурин, вторым – подпол-ковник Мауринов. Ляшинский «взвод» подчинялся Батури-ну.

– Кто не зарядил еще... Заряжай! Примкнуть штыки! – снова скомандовал ротный.

– Ну что, братушки-молодцы! – совсем рядом вдруг воз-никла шуплая фигура командующего верхом на белом коне. Окинув взглядом солдат, Суворов взмахнул шпагой: – Пра-вославные! Чудо-богатыри! Ужо покажем нынче нехристям!

– Покажем, господин генерал-майор!

– Ужо высыпем турку!

– Молодцы! Слушай мою команду... Подполковник Мауринов!

– Я!

– Давай со своими молодцами на левый фланг. Там лагерь паши с батареей! Батарею разгромить к черту. Лагерь – разрешаю разграбить! Задача ясна?

– Так точно! Разрешите исполнять?

– Вперед! Впереди колонны – россыпью – егеря и карабинеры.

Отряд Мауринова исчез в полутьме, озаряемой частыми зарницами выстрелов.

– Полковник Батурин... – между тем продолжил Суворов. – Идем вдоль берега, на правый фланг. Карабинеры – вперед. Россыпью.

Печатая шаг, солдаты двинулись вслед за своим командиром. Александр Васильевич во главе колонны, верхом, чуть позади сгинувших в ночь карабинеров.

– Колонны и рассыпные егеря, – улучив момент, одобрительно молвил Никодим Иваныч. – Этак граф Петр Румянцев делал. Под Кольбергом.

В относительном спокойствии солдатушки шагали недолго. Как только повернули с берега к вражеской батарее – так турки тотчас же открыли стрельбу! От грома орудий заложил уши! С отвратительным воем пронеслись над головами ядра, парочка все же угодила в гущу солдат – кому-то оторвало ноги, а кому-то и голову.

– Вперед, вперед, чудо-богатыри! – неутомимо подбадривал Суворов. – А ну, всыпьте вражинам!

Грянул ответный ружейный залп. Колонна обернулась несколькими линиями. Сначала стреляли солдаты первой линии, затем опускались на колено, перезаряжали ружья. Тем временем стреляла вторая линия, затем – третья...

Правда, пушки были укрыты за земляной насыпью, так что русские пули пока что причиняли врагу мало вреда.

И Александр Васильевич сие очень хорошо понимал! Как и то, что с рассветом меткость врагов значительно улучшится. А если еще применят картечь?

– Эх, братцы-молодцы! Пуля – дура, штык – молодец. Батурин...

– Примкнуть штыки! В атаку... арш!

– Ур-ра-а-а-а!!!!

Русские бросились в штыковую неудержимой лавой! Подхватив ружье убитого сотоварища, Ляшин ворвался на насыпь одним из первых. Какой-то здоровенный турок бросился на него с саблею, замахнулся... и, получив штыком в живот, мешком осел наземь, зажимая дымящиеся, вываливавшиеся наружу кишки.

Завязалась короткая схватка. Редкие выстрелы, крики и стоны – все смешалось, и неожиданно быстро закончилось. Не выдержав натиска, турки бежали, надеясь укрыться за стенами крепости... которую им вообще-то надобно было прикрывать...

– Ур-ра-а-а!!! – предчувствуя близкую победу, радостно закричали солдаты.

Что-то гроыхнуло, словно бы десять орудий выстрелили разом! Взорвалась одна из пушек... Совсем рядом с появившимся на земляном валу верховым – Суворовым.

Когда рассеялся дым – всадника не было.

– Суворов! – первым опомнился Ляшин, он и был-то к орудию ближе других, так, что от взрыва заложило уши.

Следом за капралом бросился верный ординарец, денщик, за ним и Елифан, хорунжий...

– Александр Василич... эгей!

Бросив ружье, капрал рванулся к насыпи... Вон убитый конь... и рядом – командующий. Бледный, с окровавленными лосинами и ботфортом.

– Александр Василич, жив?

– Да жив, жив, братцы. Только вот нога...

Суворов поморщился, пытаясь подняться. Не смог, и Елифан с ординарцем подхватили своего командира на руки, понесли...

– В лазарет вам, Александр Василич... Сейчас перебинтуем, ага...

* * *

Батарея была взята. Судя по громовому «ура», не только она одна. Похоже, суворовские чудо-богатыри взяли на

штыки все турецкие лагерь и теперь прорвались в крепость. Недолго враг сопротивлялся, ага!

Крепость Туртукай капитулировала, имея гарнизон в четыре тысячи человек против семи сотен русских. Пятьсот человек астраханцев и донских казаков, плюс подмога – егеря и карабинеры.

Наступила радостная для каждого солдата пора – брать и делить трофеи! Для поиска военной добычи отрядили специальные команды, впрочем, и самим солдатам никто не препятствовал.

Кроме собственно военных, в Туртукае проживало и местное гражданское население, кроме турок, включавшее еще и христиан, в основном – болгар и армян. Кто-то проживал в каменных домах, кто-то – в хижинах, окромя того, русские освободили невольников. Домашние слуги-рабы имелись почти у каждого уважающего себя турка, и это еще не говоря о гареме. Всемиловитейший Аллах разрешал правоверным иметь нескольких жен, а наложниц – бесчисленно. Кто сколько мог содержать.

Войдя в Туртукай, солдаты растеклись по узеньким улочкам, входили в дома, проверяя каждый двор – не укрылись ли там brave турецкие вояки? Да нет, похоже, все, кто мог, сбежали в ближайшие крепости – Шумлу и Руцук. Суворовские войска тому не препятствовали. Они вообще-то совсем другую задачу имели – просто провести «поиск», разведку, отвлечь врагов от наступления основных сил на Силистрию.

Ну, что сказать – отвлекли! И еще как.

* * *

Что ж, трофеи так трофеи! Каждому воину приятно, что греха таить. К солдатскому жалованью в семь рублей шестьдесят две копейки трофеи – неплохая прибавка. То, что поважнее – то конечно же в общий котел, ну а к мелочи никто не придирался.

– Слыхали, что полковник сказал? – выйдя на небольшую площадь, старый солдат Никодим Иванов сын Репников оглянулся на своего «взводного». – Крепость разрушить. Пушки – те, что тяжелые, что не унести – утопить. А всех христиан – переселить на наш берег. Чтoб, значит, не было им больше от турка никаких обид да примучиваний.

– Видал, не очень-то они хотят переселяться, – хмыкнул в рукав Коля Авдеев. – Стенают – мол, и дома тут у нас, и хозяйство. Ну, правильно, чего ж... Ну, так что где брать-то?

– Еще Александр Василич наказал – христианские дома не трогать. А басурманские – нате-пожалте, – ветеран усмехнулся в реденькие усы. – Так что, ежели икон в горнице нет – так там все и наше. Ну, пошли, что ли, господин капрал? Вон тот забор побогаче будет.

– Вы идите... я попозже подойду...

Махнув рукой, Ляшин проводил своих быстрым взглядом и прислушался. Показалось, будто...

Да нет, не показалось... Снова вроде бы как стон... похоже, что женщина стонет или ребенок... Вон за той калиткой, да...

Турецкие дома – неласковые, окнами на мир не смотрят – за заборами прячутся. И такие заборы, что не заглянешь – высокие, глухие. Вот как здесь... Ворота, правда, приоткрыты... видать, уже кто-то заглядывал.

Нет! Ну, точно – стон.

Приготовив на всякий случай пистоль, Ляшин толкнул створку ногой. Представший его глазам небольшой дворик выглядел как-то бедновато. Бочка с водой, покрытый соломой навес с очагом, небольшой дощатый стол с низенькой лавкой, в углу – старый карагач и сливы. И – дом, скорее даже – хижина. Маленькие оконца, меж ними – дверной проем, закрытый циновкою.

Да! Именно оттуда снова послышался стон.

Не убирая пистолета, Алексей решительно отбросил циновку, вошел...

– О, благородный воин... Я прошу помощи...

На низеньком ложе, посреди комнаты лежала молодая дева. Тоненькая, смуглая, с копной светло-русых волос и большими лучистыми глазами, она не очень-то напоминала турчанку, скорей, болгарку или валашку. Хотя кто его знает? Среди турецких кровей такого намешано! И рыжие турки сплошь и рядом встречаются, и даже светловолосые, навряд ли наших вологодских.

Из одежды на деве имелись лишь желтые полупрозрачные шальвары и черный, расшитый бисером, лиф, бесстыдно оголяющий плоский девичий животик с темной ямочкой пупка. Голова непокрытая, руки и ноги тонкие, но так, в общем – вполне даже красивенькая. Правда, не для турок – те все же пожирней девок любят. Как и баранину.

– Помоги, воин!

Девушка дернулась, застонала, закусив губу... Что-то звякнуло... Цепь! Незнакомка оказалась скованной. Точнее сказать – прикованной за левую ногу... к какому-то странно-му предмету, явно тяжелому... Наковальня, что ли? Ну да, наковальня!

– Это кто же тебя, бедолагу, так?

– Помоги... – в девичьих лучистых глазах блеснули слезы. – Больно.

– Понятно, что больно, – усаживаясь рядом, на ложе, Ляшин успокаивающе погладил незнакомку по плечу и задумался. Как ей помочь-то? Тут, по всему, кузнец нужен...

– Мой хозяин... Измаил-ага... Страшный человек. О! Это он велел приковать... в кузнице... бил кнутом... Хотел умирить голодом... А потом... потом началась стрельба, битва... Я испугалась. Наковальню тащила. Спряталась. Здесь... И вот уже сил нет совсем. Умру.

– Ну, теперь уж не умрешь! Вызволим...

– Пи-ить... Пить очень хочу...

– Сейчас... ты обожди малость...

Выскочив из дому, молодой человек бросился под навес, к кухне. У очага в беспорядке стояли кувшины... В одном, похоже, масло... в другом... вино, что ли? Ну да, вино. Будет она вино пить? Ну, если водой разбавить... а где тут вода? В бочке? Бог знает, можно ли ее пить-то? Ладно. Вино так вино...

Прихватив с собою кувшин, капрал уж было собрался уйти, да вдруг сообразил – поставив кувшин наземь, пошарил вокруг очага. Кочерга, пара кухонных ножей, какой-то непонятный шкворень... Кстати! Вдруг да удастся без кузнеца обойтись?

Удалось! Не с первого раза, с третьего... Жалобно скрипнув, распалось одно из звеньев...

– Ну, вот и свобода! – пошутил Ляшин... и тут же протянул девчонке кувшин. – На вот, попей... Тут вино, похоже.

Та жадно припала к горлышку. Обхватила двумя руками, пила... Рубиново-красные капли стекали по подборку вниз, на лиф, текли по животику...

– Уфф! Ты спас меня, благородный воин. Без тебя я бы погибла!

– Ты русская?

– Не совсем так. Я болгарка. А русский знаю, да, – незнакомка торопливо закивала. – Здесь много русских невольниц. Я... я хорошо говорить?

– Хорошо, – улыбнулся Ляшин. – Забавно, правда, но понять можно.

– Как тебя зовут, воин?

– Алексей.

– А я – Иванна, – девушка неожиданно улыбнулась, протянула руку, будто на светском приеме. – Будем знакомы, ага!

Привстав, капрал чмокнул даме ручку... и неожиданно расхохотался:

– Ну, ты напилась?

– Напилась? О да! Даже опьянела. На, попей... Выпей, выпей. За наше знакомство, да!

Пришлось присесть обратно на ложе, выпить – хорошее оказалось вино, пьяное. Вот ведь турки! Впрочем, здесь не только турки. Болгары, валахи, русские...

Вытянув ноги, Иванна привалилась плечом к своему освободителю и, скосив чудные зеленые очи, погладила парня по руке:

– Умм! Спасибо-о.

Ощувив теплоту девичьей кожи, капрал сглотнул слюну. В этот момент с улицы донеслись крики:

– Эй! Алексей Василич! Господин капра-ал!

– Наши, – поднимаясь на ноги, улыбнулся Ляшин. – Ну, пора. Ты ведь христианка, Иванна?

– Да!

– А всех христиан приказано переселить за реку. Там уж турки вас никак не достанут. Так что идем... Эх, накинуть бы на тебя что-нибудь...

Алексей зашарил глазами по стенам... ничего подходяще-

го не находилось, хотя... может быть, вон тот старый халат?

– Может быть, мы допьем вино? – длинные темные ресницы смущенно дрогнули. – Вместе. Вдвоем. Алексей, ты бы отпустил своих... Сказал бы – потом догонишь. Или у вас так нельзя?

– Почему нельзя? Я все-таки командир. Пусть небольшой, но... Сейчас!

Ах, свели, свели капрала с ума лукавые зеленые очи! Алексею, в отличие от турок, как раз вот такие и глянулись – стройненькие, загорелые...

– Эгей, Никодим Иваныч! Я тут задержусь малость... У лодок на берегу встретимся.

– Понял, господин капрал. Будем дожидаться.

– Ах, Алексей... Там на полке... может быть, найдется что-нибудь перекусить...

Нашелся инжир, вяленые персики и еще что-то такое... хурма, что ли...

– Знаешь, я была танцовщицей... Хочешь станцюю для тебя? Смотри!

Не дожидаясь ответа, Иванна вскочила с ложа и тут же закружилась в диковинном восточном танце. Ах, как она изгибалась! Как гладила себя руками по бедрам, показывая язык... А потом вдруг... сбросила лиф, ах, бесстыдница!

У девы оказалась очень хорошая грудь – тугая, налитая, не такая уж и маленькая... Закончив танцевать, девушка усе-лась Ляшину на колени, прильнула устами к устам... Теряя

рассудок от нахлынувшей страсти, молодой человек нежно ласкал пальцами грудь юной красотки, погладил спинку и чуть ниже... Затем аккуратно разложил девчонку на ложе и, поцеловав пупок, стащил шальвары...

– Я сама раздену тебя... да...

* * *

Иванна обещала навещать своего благородного спасителя. Именно такими словами именно так и сказала. И смотрела при этом так... Словно кошка на сметану! Влюбилась, что ли? Если так, то зря! Не можно солдату жениться, никак не можно. Иное дело – просто любовь... как, к примеру, у многих с какими-нибудь маркитантками, точнее, с теми веселыми девицами, что к маркитантам всегда прибивались и таскались таким обозом следом за армией. А что? Всем хорошо. А кому-то даже и приятно.

Как раз к маркитантам Ляшин свою зазнобушку и устроил. К знакомому валашскому торговцу дядьке Влаху.

– Помощница нужна, да, – сидя у себя в кибитке, важно кивал Влах. – Знаю, твоя дева. Для тебя, Алексей, и делаю. Уж придержу, будь уверен. Ай, вах – красивая цыпочка! Только вот тоща больно! Может, откормить?

– Да делай как знаешь... Только девку не забижай.

– Что ты, что ты! Как можно?

Ну, а с другой стороны, если уж рассуждать всерьез – куда

было Иванне-бедолажке податься? Ни кола у нее, ни двора, ни родичей. Ну, куда ее? В служанки? Так это еще надо хорошо поискать – к кому? Да и возьмут ли приبلуду? Да и своенравной оказалась красотка, сказала: рядом с тобой хочу быть! И буду. Как отрезала, вот так-то!

Ляшин расчувствовался и даже подарил девчонке серебряный перстень из захваченных в Туртукае трофеев. Перстень, конечно, оказался велик, и девушка таскала его на бечевке, на шее. Вместо креста, которого у нее и не было, потому как и не могло быть – у турок дева жила, в наложницах.

Этакому своему приобретению Алексей, с одной стороны, был рад – есть кому постирать-приголубить, а с другой – это же ответственность на себя взял. За человека, коего, честно сказать, первый раз и увидел.

Правда, вновь свидеться с Иванной в маркитантской кибитке капралу как-то не довелось, совсем неожиданно в судьбе его произошел поворот круче некуда. И поворот, мягко говоря, не очень-то доброго свойства.

Возвращаясь от маркитантов, Ляшин вдруг услышал звуки ударов. Словно ярмарочные бойцы лупили друг друга по мордасам!

Так ведь и лупили. Вернее – лупил. Недалеко от реки, на неширокой лужайке, поросшей рябиною и черноталом, бывший подпрапорщик и старый недруг Алексея Иван Хлудов адски лупил по лицу привязанного к дереву мускулистого мужика лет тридцати, темно-русого, с небольшой бородкой

и белесым шрамом на левой щеке. Похоже, то был пленник.

Лупил да приговаривал:

– Вот тебе, сволочь, на! Получай. Думал, не отыщу? Думал, скроешься?

Правая рука несчастного была перевязана окровавленную тряпицей, из разбитого носа рекой текла кровь, заливая рубаху и широкие янычарские штаны.

– Что это вы, господин Хлудов, творите? – не выдержав, вступился капрал. – Для экзекуций у нас профос имеется.

– И что тут у вас?

Кроме Ляшина, к маркитантам наведывался и капитан – ротный – и с ним еще четверо офицеров. Они тоже полюбопытничали, заглянули на звуки ударов, на разговор – и тут уж, волей-неволей, а пришлось бывшему подпрапорщику утихомириться. Деваться некуда, господа офицеры – это вам не капрал – далеко не пошлешь. Пришлось оправдываться.

– За дружбана своего! За Петрякова Самсона. Эта падаль турецкая чуть руку ему не оттяпала! Ятаганом.

– С пленными извольте вести себя соответствующе!

Ротный и вообще-то к понятию чести относился нервно – за то и был сослан, за дуэль. Да и Хлудова недолюбливал...

Турка господа офицеры забрали с собой, к другим пленникам. Хлудов же на Алексея обиделся, затаил зло. Да и черт с ним – пушай зубами скрежещет, авось, до корней сточит!

– Ай, вай, что, Алексей, случилось? – вынырнул из кустов дядька Влах. – А я ведь за тобой. Не ты потерял?

Торговец держал в руке треуголку.

– Ну, точно моя! – схватился за голову капрал. – Вот ведь, растяпа!

– Иванна-дева смеялась. Сказала – точно, ты забыл. Сказала догнать, вернуть. Заботливая, ага! Верной твоей служанкой будет. Жаль, тоща, а так – красивая, вах! Э-э, откормить бы... Округлилась бы, совсем бы справной стала, да.

– Спасибо, дядько, за треуголку. И Иванне благодарность мою передай.

– Та сам передашь, когда будешь, – пригладив рыжеватую бороду, засмеялся валах. – Э! Думаю, ты уже завтра придешь? Или сегодня к вечеру, нет?

– Да ну тебя, дядько.

– А это кого же повели господа офицеры? Что за парень такой со шрамом? Соглядатай турецкий, поди?

– Да пленный.

– А-а...

* * *

Ночью пленник бежал. А поутру в побеге обвинили Ляшина. И обвинителем выступил Хлудов. Мол, давно приметил, как оба сговаривались – капрал и тот, со шрамом. Видать, турок денег пообещал, вот господин капрал и прельстился. Случаев таких – сплошь и рядом.

– Ах ты ж, сука...

Тут как тут и свидетели! Видели, как Ляшин около подвала с пленниками ошивался... Так ведь и вправду – мимо проходил, искал одного каптенармуса.

Еще и ротный, и господа офицеры...

– А помните, господин капитан, вчерашний случай! Это ведь капрал за турка вступился, как за брата родного. Я тогда и подумал – с чего? Теперь ясно, с чего.

И, самое страшное, в подсумке Ляшина нашли деньги. Турецкие серебряные монеты – акче.

– Думаю, это еще не все, – зло шурился Хлудов. – Думаю, это задаток только.

При таких раскладах пришлось полковнику Батурину поместить господина капрала под арест. До полного выяснения всех обстоятельств.

Капрала разоружили, велели снять португую, да отвезли на подводе в сарай, в соседнем селении все у той же реки Арджеш. Рядом – почти в таком же сарае пленные турки сидели. Не простые – из числа господ офицеров все.

Ну, некому заступиться было! Суворов далеко – в лазарете, друзья же верные несли караульную службу. Вместо Ляшина Никодим Иванович был начальником караула назначен. В вину своего боевого товарища они, конечно, не верили, только сделать ничего не могли. Вести расследование поручили ротному, капитану. Да что там и расследовать-то было? И так ясно все. Свидетели есть, доказательства – деньги – имеются. Так что увы, увы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.